

18+

מדינת ישראל

המשרד לקליטת העלייה

Влад Ривлин

Большая алия

Сборник рассказов
о репатриации в Израиль

קליטת העליה
אגף זהירות

דיזינגוף

משרד לקליטת העלייה

Влад Ривлин

**Большая алия. Сборник рассказов
о репатриации в Израиль**

«Издательские решения»

Ривлин В.

Большая алия. Сборник рассказов о репатриации в Израиль /
В. Ривлин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597598-0

Рассказы, собранные в этой книге, объединены общей темой — историей массовой иммиграции советских евреев в Израиль в 1990—92 годах.

Эта книга — о судьбах самых разных людей, их встрече с новой действительностью, которая не всегда соответствовала ожиданиям иммигрантов. В чём-то автора можно считать продолжателем литературной традиции Шолом Алейхема, Ицхока Переца и Шалом Аша.

ISBN 978-5-00-597598-0

© Ривлин В.

© Издательские решения

Содержание

Большая алия	6
Белла	10
Братья	21
Бродячий агент	29
Бурьян и манна	32
Бывший Гуру	36
В Рай	42
Весельчак	46
Веселый и Невесёлый	49
Враги	51
Грёзы старого еврея	54
Здесь слишком жарко!	56
Инопланетянин	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Большая алия Сборник рассказов о репатриации в Израиль

Влад Ривлин

© Влад Ривлин, 2025

ISBN 978-5-0059-7598-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Большая алия

Сборник рассказов

Андрей и Ева

После 27 лет службы в Армии, пожилой майор со своей женой еврейкой и уже взрослыми детьми приехал в Израиль.

Работать они начали почти сразу- на третий день после того, как сошли с трапа самолета.

Работали все: и он сам, и жена, и дети, которые совмещали работу с учебой.

Он все умел и потому, спустя какое то время, нашел работу в гараже.

Ему платили гораздо меньше, чем местным, но больше, чем израильским арабам, которые работали здесь до него и на несколько порядков выше чем арабам из Газы, которые трудились здесь до своих собратьев из Тайбе (арабский город в Израиле).

Их зарплаты хватало на то, что бы позволить себе жить в центре страны, снимая трехкомнатную квартиру, платить счета, делать ежедневные покупки, иногда покупать не только то, что необходимо, но и то, чего просто хочется. Словом- жить.

Все было бы хорошо, но жена, работавшая в доме престарелых, надорвала спину и теперь сама нуждалась в постоянном уходе.

У жены здесь была многочисленная родня, но майор их недолюбливал. И вовсе не из за того, что они были евреями.

Те из родственников жены, которые жили в Израиле давно, смотрели на них как на бедных родственников- с явным превосходством и даже не пытались этого скрывать..

Когда они только приехали, Ева пыталась наладить с ними отношения.

Но родственники оказали им весьма прохладный прием.

У них была какая-то паталогическая ненависть к тем, кто приехал позже. с их бывшей Родины.

Иногда даже казалось, что их объединяют не столько родственные узы, сколько ненависть.

Ненависть к арабам, русским и вообще гоям.

Ненавидели они дружно и с каким-то смаком.

Его они называли не иначе как генерал -майором, вкладывая в это обращение всю издевку, как будто у него не было даже имени. Этим «генерал- майор», произносимом с особыми интонациями и с особым подчеркиванием, родственники изливали все свое злорадство маленьких людей, вдруг почувствовавших собственную значимость. Они злорадствовали по поводу гибели великой державы, вдруг почувствовав себя могущественными и значимыми. В своем стремлении принадлежать к победителям, они даже со своими детьми говорили только на иврите.

Иногда Андрей еле сдерживался, чтобы не съездить кулаком по этим сытым, лоснящимся от самодовольства физиономиям спекулянтов из Молдавии, уехавших в свое время из Союза, чтобы не оказаться в тюрьме.

Он никак не мог понять, каким образом они оказались вдруг победителями, а он, солдат великой армии, защитник великой державы, оказался побежденным. Среднего роста, худощавый, жилистый, с широкими скулами и почти совсем седой, он плохо вписывался в местный колорит. Его большие, цвета стали глаза и упрямый подбородок придавали ему весьма уверенный вид, но взгляд был странный, как будто кто то внутри него потушил свет.

Он взирал на окружавший его мир и не представлял себе, чем он здесь будет жить. Новая действительность напоминала ему виденное в Афганистане и республиках Средней Азии.

Такой же чужой мир.

Единственным, что он осознал совершенно четко, это то, что его место не здесь.

Но возвращаться обратно было некуда, а искать лучшую жизнь за морями и океанами с больной женой было бы весьма сомнительным предприятием.

Все вокруг них пытались вписаться в окружающую действительность, заучивали расхожие выражения на новом для себя языке, пытались перенимать интонацию и манеру речи местных. Сустились по поводу квартир, машин, дополнительных заработков

А ему не хотелось ни вписываться, ни приспособливаться.

Вся прежняя его жизнь была наполнена смыслом. Так, во всяком случае, ему казалось теперь.

В новой же, смыслом жизни были лишь дети. И только ради них стоило жить.

Привыкший всю жизнь рассчитывать только на себя, он и сейчас ни в ком не нуждался и не собирался ничего просить.

«Тем более у них», с едкой усмешкой думал Андрей.

В 18 лет его призвали в армию. Отслужив два года, он решил не возвращаться в провинциальный городок в Саратовской области, и остался в армии, поступив в высшее командное училище.

За все время своей военной карьеры он ни разу не усомнился в правильности своего решения. Тяжелые курсантские будни он воспринимал как нечто совершенно неизбежное и естественное, и в отличие от своих товарищей из более благополучных семей, никогда не думал об альтернативе своему решению.

Он гордился своей профессией, тем, что служит великой стране и тем что нужен своей Родине. На последнем курсе военного училища, он встретил Еву, которая училась в в это время в пединституте. Андрей даже не понял тогда, чем понравилась ему эта темноволосая девушка с огромными, выразительными глазами и тонкой талией.

И сейчас, когда она сильно располнела и постарела, он вряд ли смог бы ответить на вопрос о том, красива ли она и вообще почему он ее любит. Он никогда об этом не думал раньше и не задумывался сейчас. Просто любил ее и думал о ней даже в самые трудные минуты своей жизни. А таких минут было в его жизни немало. Она всегда казалась ему хрупкой, ранимой и он берег ее, как берегут дорогой хрусталь.

Спустя три месяца после первой встречи они поженились и теперь уже давно отметили серебряную свадьбу. Жизнь их не баловала, хотя Андрей быстро рос по службе. Спустя пять лет после окончания училища он был уже капитаном.

Служба была нелегкой. Служить довелось в Туркмении. Отсюда он в 1979, в числе передовых советских частей, попал в Афганистан. После полутора лет службы в ДРА он был тяжело ранен и следующие полтора года провел в госпиталях. Его признали годным к нестроевой и оставили в армии.

Друзья и сослуживцы прочили ему быструю карьеру как «афганцу», но этого не произошло. Его отправили служить в отдаленный гарнизон и похоже совершенно о нем забыли. Так же, как и о других офицерах-афганцах, дослуживавших вместе с ним.

Можно конечно было бы что то просить или даже требовать, но он никогда и никого ни о чем не просил.

Не стал просить и на этот раз.

А когда началась «перестройка», обещавшая всем скорое светлое будущее, он и его однополчане и вовсе оказались лишними.

Поначалу он с интересом стал смотреть телевизор и даже начал мечтать о новой жизни, вдруг подумав о том, что он еще достаточно молод для того, чтобы все начать сначала.

Но действительность очень скоро охладила его пыл. Он явственно ощущал развал вокруг себя по тому, как все вокруг продавалось и расталкивалось под сладкие речи с экрана.

Новая жизнь бесцеремонно вторглась в их судьбу.

А законы этой жизни устанавливали новые-старые хозяева. Те, кто требовали от него верности и потом, используя, предали, выбросив как ненужную вещь.

Особенно действовала ему на нервы «ламбада», звуки которой неслись буквально отовсюду.

Он видел, как уничтожают его страну под звуки незамысловатой мелодии и вдруг особенно остро ощутил свою ненужность в этой новой жизни, которая выбросила его на свалку.

В 92-м, когда не стало ни прежнего государства, ни его армии, они отправились на «историческую» родину жены.

Жили они как-то обособленно- ни с кем особенно не сближаясь.

Потепление в отношениях с родственниками наступило неожиданно.

Тяжело заболела тетка Евы – мать ее троюродного брата, и им понадобилась сиделка.

Брат стал звонить чаще, несколько раз приезжал.

И Ева, жалея старуху, приходила сидеть с ней, готовила и даже делала несложную работу по дому, насколько позволяла ей больная спина.

В предверии Пасхи брат пригласил их к себе на виллу.

Собрались почти все родственники и сослуживцы брата, который был крупным строительным подрядчиком.

Собравшиеся предпочитали общаться друг с другом на иврите.

Их детей, уже неплохо владевших ивритом, сверстники почему-то игнорировали.

Андрей и Ева сразу же почувствовали отчуждение. У них было ощущение, как-будто они попали в пустое пространство, куда нет доступа.

Это ощущение особенно усилилось во время церемониальной части, когда читались молитвы и рассказывались пасхальные истории.

Они присутствовали, но не участвовали во всем этом.

Все их участие ограничивалось тем, что они сидели за столом и Андрей был в кипе.

Оба чувствовали себя неловко, но пока не решались встать и уйти.

Между тем родственники продолжали беседовать между собой на иврите.

Когда официальная часть закончилась и началась сначала торопливая, потом все более размеренная трапеза, присутствующие вспомнили наконец о своих родственниках.

Похоже он у них вызывал лишь одну ассоциацию: с неевреями и бывшей Родиной, на которую они все были жутко обижены.

Многие из присутствующих имели высшее образование, благодаря которому трудились в Израиле врачами, адвокатами и инженерами. Некоторые успели защититься до отъезда. Да и работали они там все без исключения, не на самой черной работе.

И странное дело- чем больше они получили благ от своей бывшей Родины, тем больше ее ненавидели.

«Бывшей», или как они ее называли-«доисторической», любуясь при этом собственным остроумием.

Обращаясь к нему, они шутили по поводу «покойного Союза», интересовались что из того, что было на столе и вообще на вилле они с Евой имели «там».

Андрей держался спокойно, как волк, окруженный стаей собак.

За все время разговора ни один мускул не дрогнул на его лице.

Он спокойно слушал обращенный к нему треп и пока не произнес ни одного слова в ответ.

И лишь когда кто-то из гостей стал интересоваться его военной карьерой, почему он всего лишь майор- ведь он не еврей, которых «не пускали», затронув при этом афганскую тему и его участие в той войне, Андрей лишь с усмешкой бросил: «Зачем вам жизнь старого майора?».

Не спеша он поднялся из-за стола, потом помог встать жене и вместе с детьми они направились к выходу, глядя перед собой.

На какое-то время над столом повисла тишина. Никто из присутствовавших не пытался вернуть их назад.

Белла

Одни считали ее слишком скромной. Другие- слишком вздорной.

Третьи и вовсе считали ее дурой.

Возможно ее так воспринимали потому, что ей всегда больше всех было нужно и она постоянно и везде боролась за справедливость.

В детстве, она бесстрашно дралась с мальчишками за право кошек на существование.

Мальчишки кидали в кошек камни и стреляли из рогаток стальными шайбами и

Исюминка этой забавы заключалась в том, чтобы точно попасть кошке в голову.

В этом случае, животное валилось на землю как подкошенное, под восторженные аплодисменты зрителей и торжествующие крики самих стрелков.

Однажды став на защиту кошки в буквальном смысле слова грудью, она получила первое свое боевое крещение- железный гвоздь попал ей в руку чуть выше локтя, оставив метку на всю жизнь.

О слабых она заботилась и в школе, где помимо прочего была передовицей и по сбору мукулатуры и по сбору металлолома. Ей с детства нравилось опекать стариков и инвалидов. Ее все любили, но при этом почему-то считали странной.

Как-то в 8 классе у них появился очень близорукий юноша.

Он тоже ни на кого не был похож и одноклассники развлекались тем, что забрав у него очки, засовывали ему то в портфель, то в парту огрызки яблок и прочую дрянь, заставляя искать очки то в парте, то в портфеле.

Эта идея принадлежала одному из парней по имени Сергей – высокому красавцу-блондину, который был признанным неформальным лидером.

«Верни ему очки», сказала тогда Белла очень тихо, вплотную приблизившись к Сергею.

Непонятно почему, но Сергей тут же ее послушал и вернул парню очки. Больше над этим парнем никто не издевался.

Ее знала вся школа, эту лохматую девочку, небольшого роста, с большими, выразительными глазами.

Она мечтала быть врачом и 7 раз поступала в медицинский институт, но так и не поступила, хотя сдавала все экзамены.

То не хватало баллов, то не проходила по конкурсу, но врачом она так и не стала.

Она работала в детском саду, в больнице в доме престарелых.

Ее душевного тепла хватало и детям и инвалидам и старикам- всем, кто больше всего в этом тепле нуждались.

В годы перестройки, она сначала появилась в первых рядах народного фронта, но спустя какое-то время сцепилась с руководством из-за оппортунизма и коррумпированности последнего, а потом разочаровавшись, вдруг вспомнила что она еврейка и примкнула к только организовывавшемуся тогда еврейскому объединению.

Здесь, отдавая должное ее энергии, Беллу избрали в совет как тогда называлось это объединение- центра еврейской культуры. Здесь она заведовала отделом социальной помощи и заботилась о больных и стариках.

Для нее это была не просто должность. Она навещала больных и престарелых, умудряясь совмещать общественную деятельность со своей основной работой. При этом она стремилась помочь каждому чем только могла и постоянно выдвигала какие-то инициативы как эту помощь сделать еще более эффективной.

С этими инициативами она постоянно обращалась как к руководству общины, так и во всевозможные учреждения города.

Солидные люди отмахивались от нее как от назойливой мухи, или морщились при ее появлении как от зубной боли. Она им мешала, отвлекая от серьезных дел. Но Белла не унижалась и все чего-то добивалась, причем не для всех сразу, а каждый раз для какого-то конкретного человека или семьи.

Похоже, у нее было достаточно времени и сил для всех, кроме самой себя.

Она была одинока и по-прежнему жила с матерью. Семью ей заменяли кошки и собаки, которые странным образом жили вместе на редкость дружно.

Четвероногими была полна их с матерью и без того крохотная квартирка. Казалось она собирала кошек и собак со всего города- кормила, лечила и уже не представляла своей жизни без них.

Мать зная слабость дочери к животным, терпела.

Между тем, конфликт Беллы с председателем быстро перерос в открытое противостояние и она начала борьбу с коррупцией уже в самом центре еврейской культуры.

Как партизан она неожиданно появлялась на каждом мероприятии центра и начинала неумолимо обличать, задавая вопросы во всеуслышание прямо в лоб: где деньги выделенные на закупку дорогих лекарств? Где обещанная материальная помощь старикам?

Ей пытались заткнуть рот, навсегда закрыть в психушке, угрожали физической расправой, но все было бесполезно. Во-первых, она была популярна- ее любили за честность, доброту и открытость. Во-вторых, она похоже никого и ничего в этой жизни не боялась.

Подобно вьетнамским партизанам, она выживала в любых условиях и продолжала свою войну против несправедливости.

С годами, она становилась все более набожной. Стала посещать занятия по Торе, организованные в синагоге для женщин. Начала носить широкополую шляпу и длинное платье.

И вскоре пришла к выводу, что ее место на Святой Земле.

А решив так, быстро оформила документы и вместе со своей уже престарелой матерью отправилась в Израиль.

Прилетев в Израиль, она какое-то время жила в благополучном Рамат-Гане, снимая здесь вместе с матерью квартиру.

Но размеренная жизнь среди израильских бюргеров была не для нее и она отправилась в самую гущу событий, поселившись в одном из еврейских поселений Сектора Газа, со всех сторон окруженном арабскими деревнями лагерями беженцев.

Газу она выбрала не случайно.

Попав сюда случайно на экскурсию, она была в восторге от увиденного.

«Это настоящий рай, который построили евреи!», воскликнула она увидев еврейский поселок Неве Дкалим.

Она восхищалась ухоженными лужайками, красивыми пляжами и комфортабельными гостиницами построенными здесь.

При этом, она и не подозревала, что те же евреи, построившие здесь рай для себя, создали совсем рядом, вполне реальный ад для своих соседей-арабов. Ад был ровесником государства Израиль и находился здесь же- на некогда самой плодородной земле Палестины, славившейся своими апельсиновыми садами. Обитатели ада – полтора миллиона бывших жителей Яффо, Лода, Рамле и других когда-то арабских городов Израиля, в большинстве своем жили без водопровода и канализации в в лачугах из жести или мазанках, больше напоминавших норы, нежели человеческое жилье.

Но Белла любовалась красотами еврейского рая и не замечала палестинского ада. И пока она любовалась еврейским раем, у нее созрело решение- нужно ехать сюда, защищать этот оазис от арабов.

Она выделялась и никуда не вписывалась даже здесь, эта уже немолодая, одинокая женщина, с библейской внешностью и трогательно добрыми, огромными глазами, жившая со своей престарелой матерью в одном из вагончиков района караванов в поселении Йоэль.

Вместе с тем, она была совершенно счастлива живя здесь. Ей нравилось дивное, мистическое зрелище, открывавшееся с вершины холма на котором они с матерью жили в караване. Дымка тумана, будто занавеска то скрывала, то снова открывала красноватые холмы.

Зимой после дождя, здесь часто можно было увидеть радугу, которая будто была перевернута и лежала на земле.

С одной стороны были живописные холмы до самого горизонта. С другой- море.

И если долго стоять и смотреть на открывшуюся взгляду панораму, то можно было увидеть много всего, чего не увидишь в обычной жизни.

Тысячелетия накатывают вдруг и обрушиваются на тебя как волны, унося сознание не то вверх, в неведомое, не то вниз-в прошлое.

Казалось еще мгновение и на одном из холмов увидишь кого-то из библейских пророков.

Глядя на равнины и холмы этой земли, и вдыхая аромат цветов на ухоженных лужайках, хотелось просто жить и не отрываясь созерцать этот прекрасный и таинственный мир.

Но суровая действительность на каждом шагу заявляла о себе громко и бесцеремонно.

Идилия заканчивалась сразу же за забором еврейского поселения, которое не перепутаешь ни с чем другим.

О том что это еврейское поселение, можно было сразу узнать по высокому забору сваренному из тонких, но прочных стальных прутьев и щедро намотаной и поверху и по низу колючей проволокой; по блокпостам на въезде, круглосуточно охраняемых солдатами.

Забор ограждал поселение со всех сторон.

Попасть сюда, так же как и выехать отсюда, можно было только через блокпост.

Охрана поселенцев видимо не слишком доверяя солдатам, выставила свои собственные патрули.

Машины службы безопасности поселка, круглосуточно объезжали забор по всему периметру.

Однако внутри поселка было просторно, тихо, зелено и ничто не напоминало о ненависти за его пределами.

Вся территория поселения делилась на несколько частей.

Группа одноэтажных домов и двухэтажных вилл, облицованных дорогим камнем, с ухоженными лужайками возле дома, создавали ощущение некой идилии благополучия.

Границей каждой виллы вместо забора служила затейливо выложенная из круглых камней низенькая ограда. Вход в дом украшали декоративные живые изгороди из виноградной лозы- символа еврейского присутствия.

Несколько соседних холмов были украшены новыми двухэтажными домами. К каждой квартире первого этажа расположенного на земле дома, примыкал небольшой участок служивший хозяевам садом.

Последний этаж представлял собой пентхауз. Здесь так-же можно было отдохнуть после работы или с друзьями не хуже чем в саду и строительные подрядчики, продававшие квартиры в этих домах, неизменно это подчеркивали.

Одинаковая одежда жителей поселка создавала ощущение униформы и делала живущих здесь похожими друг на друга. Иногда даже казалось, что все они на одно лицо.

Мужчины в вязанных кипах, белых рубашках и черных брюках носили бороды и почти все без исключения были в очках.

Женщины носили длинные платья и платок, либо замысловатый головной убор и казалось, что они стараются быть как можно незаметнее, но при этом взгляды у них были цепкие.

Дети у них тоже были похожи друг на друга: в одинаковых белых рубашечках и черных брючках, многие тоже почему-то в очках и с выдающимися вперед белоснежными передними зубами, которые торчали из полуоткрытых ртов, и делали их похожими на кроликов.

Старшие учились в военнизированных ешивах, а после 18 лет пополняли спецподразделения израильской армии.

Помимо домов и вилл, в поселении имелось два магазина, и еще несколько киосков, две ешивы для мальчиков и религиозная школа для девочек, три миквы и пять синагог.

В одной из синагог собирались восточные евреи. В другой- европейские.

Представители ХАБАДА захотели иметь собственную синагогу и молились отдельно.

Для живших здесь прозелитов была своя синагога.

Молодежь поселения тоже предпочитала молиться отдельно.

Почти в самом центре поселка, располагался местный совет.

Это были убогие строения, наподобие караванчиков и лишь по табличке снаружи можно было догадаться, что это именно то место, где принимаются самые важные решения о жизни поселка.

Во главе поселения стояли два равина- рав Ашер и рав Йоханан. Первый- ашкеназ, второй -сефард.

Они учили Торе в местных ешивах и их авторитет был непрерикаем.

Все работавшие в местном совете, приходили и приезжали на работу из вилл и дорогих домов.

Те из поселенцев, кто не работал в местном совете, учили Торе либо в самом поселении, либо ездили в Иерусалим или Рамат Ган- там находился религиозный университет, который имел гораздо больше общего с ешивой, нежели с высшим учебным заведением.

И создавалось впечатление, что все население поселка либо учило Торе, либо ее же изучало.

Исключение составляли буквально несколько человек, которые работали инженерами за пределами поселка, врач, заведовавший местной поликлиникой, медбрат и медсестра, а также несколько семей которым принадлежали теплицы, завод по переработке винограда и маслобойня.

Это хозяйство составляло настоящую промзону поселения.

Но работали здесь в основном арабы из ближайших деревень. Эти же арабы построили сам поселок и другие поселения в округе.

Даже синагоги в поселке были построены руками арабов.

Труд арабов стоил как минимум в разы дешевле еврейского. К тому же, им не нужно было оплачивать ни отпуск, ни расходы на оздоровление, вообще ничего из того, что по закону положено платить гражданам Израиля.

Их боялись и ненавидели. Но законы экономической целесообразности, или попросту выгоды, были так же беспощадны как и физиологические.

Поэтому несмотря на открытую неприязнь, ненависть и казавшуюся уже вечной вражду к арабам, евреи разрешали строить им для себя поселки, дороги и работать в принадлежавших им теплицах.

Впрочем, ненависть была взаимной.

Арабы ненавидели евреев не меньше, но были вынуждены строить роскошные виллы, дома, забор и даже синагоги для евреев на земле, которую считали своею, поскольку в соседних арабских городах и деревнях не было не только промышленных зон, но даже канализации и водопровода. А большие семьи нужно было как-то содержать. И они работали тут, утешая себя мыслью, что рано или поздно, все здесь все равно будет принадлежать им.

Особую категорию жителей поселка составляли прозелиты и новые иммигранты.

Они жили в караванах, заменявших им дом.

Караваны стояли как-то особняком и выделялись, создавая диссонанс виллам и просторным домам.

Резким контрастом с остальными жителями поселка являлись и сами обитатели караванов.

Это были в основном «русские», как здесь называли выходцев из России и еще несколько иммигрантов из Америки, один из которых по имени Барух не желал говорить ни на каком другом языке кроме иврита, и две девушки – одна из Голландии, другая из Франции.

Обе в разное время решили вдруг что они еврейки и отправились в Израиль.

В поселении они прожили уже несколько лет в ожидании гиюра.

Все это время они учили Тору с женой рава Ашера, а в остальное время работали- одна, бывшая медсестра из Голландии на кухне, вторая- учительница младших классов из пригорода Парижа убирала и мыла служебные помещения и туалеты в поселковом совете.

Так они жили уже несколько лет и покорно ждали, когда наконец им разрешат стать еврейками.

В отличие от остальных жителей поселка, жившие в караванах прозелиты и иммигранты белые рубашки носили лишь по субботам и праздникам, и вместо туфель, ходили в кроссовках.

Несмотря на молодость большинства из них, почти все носили длинные бороды и ходили лохматыми, так что кипа терялась в их черных и рыжих шевелюрах.

Элегантным брюкам они предпочитали в повседневной жизни джинсы или штаны типа бермуды из которых торчали кисточки – цидит на иврите, как напоминание о 613 заповедях полученных евреями от Творца на Синае.

Их было здесь человек 15, самых стойких.

Лет десять назад, здесь возник целый караванный поселок.

В то время, тут можно было встретить евреев со всего мира.

Здесь были иммигранты из Аргентины, Штатов, Канады, Британии и конечно же, из бывшего СССР.

Они приезжали сюда со всего мира по зову еврейской души, прилежно штудировали иврит и старательно учили Тору, лишь с перерывами на еду и сон.

Однако остались лишь единицы- самые стойкие.

Кто-то не выдержал соблазнов городской жизни в крупных городах, кто-то начал учиться и из-за расстояний переселились в Иерусалим и Тель-Авив и вспоминали теперь поселок лишь как романтический эпизод своей юности.

А кто-то просто не выдержал особенностей караванной жизни.

Зимой, когда дул сильный ветер, обитателям вагончиков казалось, что кто-то невидимый и могущественный, изо всех сил трясет их пристанища, в которых они жили.

Зимой здесь было холодно, а летом жарко.

Но тех, кто остался, это обстоятельство не смущало. Казалось, что они лишь числятся живущими в этих караванах, а сами живут какой-то особой, неведомой для окружающих жизнью.

В этой жизни для них все было логично и подчиненно совершенно ясной цели.

Да и жили они здесь в основном по субботам, и лишь в перерывах на молитвы. В остальные же дни, они с утра до ночи находились в ешиве-вагончике с книгами, где они учили Тору, Галаху, книгу поучений отцов и другие, священные для евреев книги под руководством кого-нибудь из раввинов.

Здесь же жила и Белла со своей матерью.

Если не считать всех этих различий, то жизнь обитателей Йозеля проходила примерно одинаково.

По субботам, женщины зажигали свечи и пока мужчины молились, хлопотали по дому, разумеется, в рамках того, что было дозволено Шаббатом.

Потом вся семья собиралась за столом, где глава семейства освящал молитвой вино и специальный шаббатный хлеб-халлу. Потом начиналась церемония омовения рук, а после, все члены семьи читали молитвы, делали по глотку освященного вина или виноградного сока, если это были дети, и приступали к трапезе.

Утром они всей семьей отправлялись в синагогу, где читали очередную главу Торы и молились. Затем возвращались домой, снова ели. Затем шли в синагогу для полуденной молитвы. А вернувшись после молитвы домой садились за трапезу, как предписывал обычай.

Для тех, кто жил в караванах, в специально выделенном вагончике, кто-нибудь из равов также освящал шаббат.

Часто жителей караванов приглашали на встречу шаббата в семьи поселенцев.

Согласно традиции, пригласить в гости на шаббат нуждающегося еврея считалось благом и поселенцы охотно следовали этой традиции, желая приобщиться блага.

В перерывах между едой и молитвами, ближе к вечеру на исходе субботы, жители Йоэля целыми семьями гуляли по просторам поселка.

Времена когда дети и взрослые беззаботно гуляли в шаббат по соседним холмам безвозвратно прошли.

Самые отчаянные из жителей поселка не решались теперь на подобные экскурсии даже в сопровождении автомата, который тоже уже не гарантировал полной безопасности.

Забор четко обозначил границу поселения.

Шаббат заканчивался молитвой, по окончании которой, молящиеся желали друг другу хорошей недели и расходились по домам, готовясь к будням.

Так же они проводили почти все праздники и так было до тех пор, пока правительство не приняло решение об эвакуации Йоэля и всех остальных поселений в секторе Газа.

Эта эвакуация знаменовала крах титанических усилий по утверждению еврейского присутствия в Газе и на Западном Берегу Иордана.

Несмотря на колоссальный энтузиазм поселенцев и огромные дотации, эти поселения со временем превратились в непосильное бремя как для экономики, так и для армии.

За время противостояния евреев и арабов, по обе стороны забора выросло новое поколение.

И за это же время, лагеря беженцев, жители которых в 1948 году бежали или были изгнаны из своих домов в Яффо, Лод, Рамле, Хайфе, превратились в густонаселенные города, а поселения, призванные утвердить право евреев на эту землю, оказались со всех сторон окруженными арабскими деревнями. Повсюду – и справа и слева виднелись новые постройки в лагерях беженцев.

С территорией Израиля, Йоэль был связан теперь одной единственной дорогой, ездить по которой разрешалось только евреям.

Ничто не говорило о том, что дорога предназначена только для евреев.

Лишь тщательно охраняемые блокпосты и ограждения с колючей проволокой вдоль шоссе говорили о том, что это не просто дорога.

Да еще то, что по дороге в обе стороны двигались машины только с израильскими номерами.

Арабы- жители территорий, ездили в объезд, через арабские деревни.

Дорога для евреев прошла по землям принадлежавшим до этого палестинцам.

Когда строили эту дорогу, работы тщательно охранялись.

Любые попытки воспрепятствовать строительству жестко подавлялись армией.

Жителей окрестных деревень и израильских анархистов солдаты разгоняли с помощью резиновых пуль и слезоточивого газа.

Если это не помогало, в ход шли дубинки, приклады и обутые в армейские ботинки ноги солдат.

Не раз и не два, под вечер или глубокой ночью в деревню врывались агенты общей службы безопасности ШАБАК при поддержке солдат и арестовывали наиболее активных участников протеста- благо, технический прогресс не стоял на месте и помимо осведомителей, скрытые камеры снимали на пленку всех.

Сила была на стороне евреев, но противостояние не прекращалось ни на один день и именно дорога стала линией фронта, разделявшей поселенцев-евреев и их соседей -арабов.

Молодежь из арабских деревень кидала камни в жителей поселка, проезжавших ежедневно по дороге в израильские города- главным образом, в Тель-Авив и Иерусалим, где они работали, делали покупки, или навещали родственников, а вечером или на следующий день возвращались обратно.

Несколько поселенцев были убиты на этой дороге, хотя практически все они были вооружены автоматами и стреляли не колеблясь.

Армия и полиция жестоко мстили за нападения на поселенцев. Они устраивали рейды в соседние арабские деревни, арестовывали подозрительных и для устрашения, разрушали дома тех, кто был причастен к нападениям на поселенцев.

Не оставались в долгу и сами поселенцы.

Ночью, а иногда и днем они вырубали и поджигали оливковые рощи, принадлежавшие жителям арабских деревень, нападали на палестинских фермеров, строили форпосты на землях, принадлежавшим арабам.

На месте уничтоженных маслин, поселенцы сажали виноград-символ еврейского присутствия.

Таким образом они пытались утвердиться на этой земле.

Самым поразительным во всем этом было то, что уничтожали маслины и нападали на арабских крестьян те же люди, которые усердно, чуть ли не сутками напролет учили Тору и были уверены, что соблюдают все ее заповеди, в том числе- любовь к Земле и почитание ее плодов.

Поселенцев армия и полиция почти не трогали, в основном охраняя. Общественное мнение в Израиле тоже было в основном на стороне поселенцев.

Тем не менее, поселок все больше и больше напоминал осажденную крепость, а стычки между армией и палестинскими партизанами все чаще превращались в арену кровопролитных схваток.

И уже ни вылазки поселенцев, ни репрессии армии не могли изменить сложившейся ситуации.

И стремительно, из форпоста охраняющего границы Израиля, как их поначалу называли, поселки типа Йоэля, оказались в ситуации, когда их самих нужно было охранять.

Демографическую ситуацию поселенцам также не удалось изменить.

Кольцо арабских городов и деревень вокруг Йоэля и ему подобных поселков неумолимо сжималось.

И когда с минаретов вокруг Йоэля муэдзины звали правоверных на молитву, казалось что вот-вот от этой мощной волны рухнут стены домов в поселке и едва ли кому-нибудь в этот момент пришла бы в голову мысль, попробовать перекричать молитву прославляющую Аллаха.

А поскольку Йоэль и остальные поселения в секторе не имели уже никакой ни тактической, ни стратегической ценности и были лишь обузой для армии, решено было передать их режиму автономии, который справлялся с заботой об интересах Израиля гораздо лучше, нежели поселенцы.

Так по-видимому размышляли в правительстве.
Поселенцы же смотрели на предстоящую эвакуацию по разному.

Одни были готовы принять решение правительства. Другие, особенно молодежь, воспринимали ее как катастрофу.

Больше всех переживали по поводу предстоящей ликвидации поселения обитатели караванов.

Они жили без сомнений в правильности своего выбора и известие об эвакуации поселения поначалу восприняли лишь как еще одну проверку на прочность.

Слухи о выселении циркулировали уже давно, еще со времен Осло.

Но они пережили Рабина, выстояли под давлением всего мира,

выстоят и на этот раз. И эта земля вокруг Йоэля, рано или поздно также будет принадлежать евреям. Несмотря ни на что. Так написано в Торе. Они верили в это.

Старались жить так же как и прежде, как будто и нет предстоящей ликвидации поселения и сами поселенцы.

Но тот, в кого они верили и на кого больше всего надеялись, беззастенчиво предал их. И вот уже план эвакуации их поселка утвержден.

Крупные компенсации, выделенные правительством, были призваны сделать поселенцев более сговорчивыми.

В свое время, их привлекли сюда не только заповеди Торы, но и высокие стандарты жизни за небольшую цену.

Виллы и просторные квартиры в элитных домах стоили здесь несравнимо дешевле, нежели в самом Израиле.

Теперь им предлагалось сменить эти уже обжитые виллы и квартиры на элитное жилье в центре Израиля, либо переселиться в еврейские анклав Западного Берега.

Начался торг между руководством поселений и правительством по поводу условий и размера компенсаций.

Между тем, правительство определило поселенцам срок для добровольной эвакуации.

Все это время, Белла ездила по всему Израилю собирая подписи и организовывая демонстрации в поддержку поселенцев. Ее скромного пособия как раз хватало на эти поездки по всей стране.

Она пыталась говорить с солдатами, пытаясь убедить их в том, что еврей не выселяет еврея.

Она добивалась встречи с премьером и ездила на встречи с парламентариями, пытаясь повернуть историю если не вспять, то хотя бы в более благоприятное для поселенцев русло.

Слушая ее, они все – и солдаты и парламентарии и сами поселенцы снисходительно улыбались.

Их всех смешил ее русский акцент и те ошибки, которые она делала в ивритских словах.

Их смешили ее нелепая, широкополая шляпа и пестрое платье, никак не гармонизировавшее с ее скорбным выражением лица. Их смешила ее наивная, детская вера в справедливость и такая же детская манера с которой она отстаивала свои убеждения.

А она в свою очередь не понимала безразличия людей.

Ведь мир рушился, а люди были совершенно глухи и безразличны к этому и она не понимала, как такое может быть.

Ей было совершенно невдомек, что у людей могут быть еще и другие проблемы.

Об ипотеке она знала лишь по информации сохнута и министерства иммиграции, а о многом она и вовсе не знала. Ей было не до того.

Например о том, что целые семьи выбрасывают из квартир за долги, выкидывая вместе с ними и их жалкие пожитки. И что таких семей в Израиле уже больше чем поселенцев.

Не догадывалась она и о том, что и те кто выкидывал и те, кого выкидывали, в подавляющем большинстве случаев были евреями.

Неведомо ей было и то, что каждый пятый житель страны не может свести концы с концами каждый месяц, или проще говоря, живет за чертой бедности.

Не видела она и нищеты царящей в арабских деревнях и лагерях беженцев вокруг.

Она просто не думала об этом, потому что весь мир теперь делился для нее на евреев и гоев.

И поэтому, уничтожение маслин, она воспринимала как защиту земли, которая здесь вся дана евреям от Господа, а рейды против палестинцев-как защиту евреев от арабского террора..

Для нее теперь все было просто и логично и весь мир делился на тех, кто хотел этот мир сохранить и на тех, кто хотел его разрушить.

Ей было невдомек, что для тех за кого она боролась сейчас и с кем себя отождествляла, она и такие как она были чем-то между просто евреями и неевреями.

И поэтому она не слышала даже молитвы, прославляющей могущество и силу Аллаха, которая усиливалась с каждым днем по мере того, как росло количество минаретов вокруг и каждый день обрушивалась на поселок подобно гигантской волне.

Она не замечала даже того, что для рава Ашера и Йоханана, деливших весь мир на хороших евреев, живущих в поселке и соблюдающих Тору, просто евреев и не евреев, она была чем-то между евреями и неевреями.

Чего-то она не видела, чего-то не понимала, а что-то, не хотела ни видеть, ни понимать.

Главным для нее было не допустить ликвидации еврейского анклава в Газе, Потому что за ним неумолимо последует новая Катастрофа.

Накануне эвакуации, поселок был похож на осажденный город, накануне сдачи врагу.

Большинство вилл и домов опустели, их обитатели давно уже перевезли свои вещи в другие поселения, которые пока еще не эвакуировали, либо перебрались в Израиль.

Теплицы теперь смотрелись как-то сиротливо, но часть домов и караваны превратились в готовящиеся к осаде укрепления.

Сюда съехалась молодежь поселенческого движения со всего Западного Берега. Вместе с местными, они готовились держаться до конца.

Оборона поселка состояла из двух линий.

Первая- внизу, возле домов. Здесь расположились юноши в вязанных кипах и девушки в длинных платьях. Все они теперь были не в белых рубашках и кофтах а оранжевых майках, символизовавших их готовность стоять до конца.

Они уселись на землю возле домов и категорически отказывались уходить с занятых позиций.

На крышах домов и вилл расположились самые отчаянные из защитников поселка.

Здесь же на крыше совета они разместили огромные плакаты с призывом к армии не выполнять приказы.

Готовясь отбивать попытки солдат насильственно выгнать их из поселка, они затащили на крышу доски, колючую проволоку и арматуру, дабы сделать свою позицию более неприступной для атакующих.

Офицеры прибывших в поселок частей армии и полиции призывали поселенцев соблюдать закон и освободить занятые помещения.

Но после неоднократных попыток увещевания поселенцев, армия и полиция решились на штурм.

Сразу к домам, солдатам прорваться не удалось.

Поселенцы как раки клешнями сцепившись за руки легли на землю у входа в дома и солдатам приходилось тащить их как бревна в сторону.

Но как только солдаты оттаскивали их, они тут же возвращались, пытаясь восстановить разорванную цепь.

Ситуация накалялась и в ход пошли кулаки с обеих сторон, приклады, дубинки и доски.

Наиболее воинственных поселенцев заталкивали в специально подготовленные автобусы.

Белла и другие прозелиты тоже были в цепи. Поначалу она пыталась увещевать солдат. Но те лишь снисходительно ухмылялись. Тогда она вместе с другими иммигрантами присоединилась к живой цепи возле домов. Ее несколько раз оттаскивали в сторону и кидали на землю.

Но каждый раз, она то хромая, то вовсе на четвереньках возвращалась в цепь.

В пылу борьбы, солдаты растоптали ее шляпу, на ее лбу появилась огромная ссадина и сильно болели ушибленные бедро и колено.

Но преодолевая боль, она каждый раз возвращалась в строй.

Наконец солдатам удалось прорваться к домам.

Тогда находившиеся на крыше поселенцы подожгли все что имелось в их распоряжении.

Солдатам пришлось отступить и тогда в дело вступили пожарники с водометами.

Под прикрытием мощных потоков воды, солдаты поднялись наконец на крышу несмотря на отчаянное сопротивление обороняющихся и стащили оттуда оставшихся защитников поселка.

К вечеру, полицейские и пограничная стража очистили поселок от всего живого, вывезя всех поселенцев.

Прошло несколько недель. Большинство домов в Йоэле были разрушены бульдозерами, а территория поселка перешла под контроль армии и готовилась к передаче властям Автономии.

И тут над несколькими уцелевшими караванами где жила Белла с матерью, вдруг взметнулся желтый флаг с шестиконечной звездой а перед караванами была установлена огромная табличка с надписью на иврите- Йоэль.

В караванах заняли оборону десятка полтора человек. Все они были иммигрантами.

Возглавляла их Белла. Мать она оставила в общежитии для переселенных из Гуш Катифа, возле Петах Тиквы и во главе самых отчаянных вернулась на место, где еще совсем недавно был Йоэль...

Солдаты пришли в бывший караванный поселок, чтобы арестовать нарушителей режима закрытой военной зоны.

Приблизившись к караванам, офицер потребовал, чтобы его обитатели немедленно вышли. Джипы пограничной стражи уже ждали нарушителей.

Навстречу ему вышла Белла и с порога на ломанном иврите объявила офицеру, что они останутся здесь.

Офицер перешел на русский и стал говорить о том, что ждет их в случае неподчинения приказу.

Йоэль вдруг заговорил по русски.

«Русские...» она запнулась, «евреи», поправилась она, «не сдаются. Это наша земля и мы отсюда не уйдем».

«У вас ровно 15 минут, чтобы покинуть территорию». сухо сказал по-русски офицер-парень лет 25 от силы. «Потом у вас начнутся большие неприятности».

Когда время истекло, солдаты по команде офицера начали штурм караванов.

Но русские хорошо подготовились к обороне.

Они приготовили доски и все, что могло гореть, успели выдолбить перед караванами неглубокий ров и как только солдаты приблизились к холму, на которых стояли караваны, ров по всему периметру вспыхнул огнем.

Солдаты ругаясь отступили.

Тем временем, обороняющиеся забрались на крыши бараков затаскивая наверх доски и арматуру, готовясь к решающей схватке.

Через полчаса появились пожарные машины, оснащенные специальными водометами. Тем временем, в обороняющихся полетели гранаты со слезоточивым газом.

Пока обороняющиеся кашляли и чихали, выплевывая едкий дым, солдаты преодолели искусственный ров. От караванов их отделял теперь всего один бросок.

И в этот момент на пороге каравана снова появилась Белла, красная от слезоточивого газа, с канистрой бензина в руке.

Секунда, и облив себя горючим она достала зажигалку.

Солдаты были уже почти возле нее. Тот же самый офицер поднял руку и что-то крикнул Белле, пытаясь остановить ее. Солдаты как по команде замерли и в это время Белла чиркнув зажигалкой превратилась в живой факел.

И солдаты и поселенцы одновременно бросились к ней, пытаясь сбить пламя.

Кто-то дал команду включить водометы и мощная струя воды обрушилась и на солдат и на оборонявшихся иммигрантов.

Пытаясь спасти женщину, они все на миг смешались в единую массу, перемешивая русский и иврит.

Ее сумели довести до больницы.

Каким-то чудом она была еще жива.

Она продержалась еще три дня.

За это время, территория Йоэля была передана властям автономии.

Главы совета поселились на виллах в Реховоте.

Иммигрантов и прозелитов поселили в общежитии возле Беер-шевы.

Часть из бывших поселенцев переселились на Западный Берег.

Но Белла об этом уже не узнала. Перед смертью, она несколько раз пыталась что-то сказать. Но из-за тяжелых ожогов, все ее усилия выразить самое главное- то, что так беспокоило ее, остались тщетны. Никто так и не понял, что же она хотела сказать.

Братья

Едва ли не половина жителей местечка носила фамилию К. и так или иначе приходились друг другу родственниками.

Среди носителей фамилии, самым богатым и соответственно самым уважаемым был реб Ашер.

Ему в местечке принадлежали мельница, маслобойня, куча мелких лавок и несколько магазинов.

Некоторые утверждали, что у него и в городе были магазины. В добавок ко всему, реб Ашер неплохо зарабатывал, ссужая деньги под залог и имея с этого весьма солидный процент.

При всем этом, он был очень набожен и являлся чем то вроде попечителя местной синагоги и хедера- еврейской школы для мальчиков.

Синагога и хедер заменяли местным евреям как впрочем и повсюду в черте оседлости абсолютно все: культуру, образование, развлечения.

Здесь обрезали новорожденных, женили, собирались для того, чтобы отметить общие праздники и просто чтобы обменяться новостями. Здесь же обмывали тела усопших и оформляли покойников в последний путь.

Не всем родственникам повезло в жизни так же как и Ашеру.

Большинство из них едва сводили концы с концами.

Это вообще было пожалуй едва ли не главной особенностью местечка. Здесь было слишком много евреев и очень мало работы.

Из поколения в поколение, евреи здесь терпели нужду, хватаясь за любой заработок.

Заработка на всех не хватало и они готовы были грызться друг с другом и с кем угодно за кусок хлеба.

Пермирие наступало лишь в субботу.

В этот день они все снова становились родственниками и соплеменниками-богоизбранным народом.

Но даже в субботу, в синагоге, социальный статус каждого четко просматривался.

На самых почетных местах восседал Ашер со своими сыновьями. За ним размещались менее богатые лавочники. У самого входа толпились все остальные.

Женщины молились отдельно, в специально отгороженном углу.

Все без исключения евреи приходившие на субботнюю молитву, первым делом спешили выразить свое почтение ребу Ашеру.

Надо сказать, что кроме самых близких, реба Ашера в местечке не любили за его самодурство и жадность.

Вдобавок ко всему, Ашер любил третировать тех, кто от него зависел.

Но все покорно терпели любые его насмешки, поскольку от одного его слова зависело, получит ли человек работу, или будет без толку обивать пороги Ашера. Будет торговать, или же ему придется прикрыть свою лавку. Будут ли его дети учиться в хедере, или же останутся совершенно неграмотными.

Поэтому, едва оказавшись в синагоге, все евреи спешили выразить свое почтение самому уважаемому в местечке человеку.

Со стороны могло показаться, что все они пришли помолиться не столько своему Богу, сколько Ашеру.

Их можно было понять.

Бог всемогущий и милостивый был далеко, а скупой самодур Ашер был здесь, в этой синагоге. И именно он а не Бог решал, кто заработает на кусок хлеба для своей семьи, а кто будет маяться без этого куска.

Первым кто бросил вызов всеильному Ашеру был Пинхас, сын двоюродной сестры Ашера Ривки.

Его сестра рано овдовела и в одиночку растила двоих детей.

Пинхас с детства отличался непокорным характером и так же еще с детства прослыл среди местных евреев бунтарем.

Он категорически отказывался ходить в синагогу, в хедере постоянно спорил с ребе, за что неоднократно был бит и наказан.

Но побои и наказания казалось лишь еще больше раззадоривали его.

У Пинхаса рано проявились способности и одной из них было умение хорошо рисовать.

Выражение своему таланту он нашел рисуя карикатуры на ребе, что последнего приводило в ярость и он грозился выгнать Пинхаса из хедера и даже сдать его в острог. Грозился отправить Пинхаса в острог и сам реб Ашер.

Но Пинхас не унимался.

Ко всему, он был еще задирой и драчуном и соседи часто жаловались Ривке на ее бунтаря-сына.

Мать в отчаянии обратилась за помощью к ребу Ашеру.

Реб Ашер, у которого Пинхас был как бельмо на глазу отправил Пинхаса к своему племяннику, владевшему сапожной мастерской в городе.

Проработав 2 года в мастерской, повзрослевший Пинхас ушел от племянника Ашера и поступил на работу в местную типографию.

Здесь он познакомился с другими типографскими рабочими и это знакомство определило всю его дальнейшую жизнь.

Свое образование он получил в рабочих кружках. Он быстро учился, овладевая грамотой и марксистской теорией.

Спустя несколько лет, он сам уже был руководителем одного из рабочих кружков.

Первую Русскую Революцию 1905 года он встретил в качестве руководителя местной ячейки РСДРПб.

Во время событий 1905 года, Пинхас который стал Петром с фамилией Соколов, проявил свои недюженные организаторские способности, организовав всеобщую стачку, в которой приняли участие все рабочие города.

Стачка быстро переросла в столкновения с полицией и в конце концов, в город были введены войска для подавления беспорядков.

Пинхас был арестован и следующие 12 лет провел на каторге и на поселении.

С началом гражданской войны в России, Пинхас снова проявил свои незаурядные способности.

На этот раз, как полководец.

Начав гражданскую в качестве командира рабочего отряда, Пинхас закончил войну командующим армией при штурме Перекопа.

За время войны он успел жениться на Доре, прошедшей с ним в качестве медсестры весь путь от Дальнего Востока до Перекопа.

В двадцатом у них родился сын, которого супруги называли Яковом.

Но хроническое недоедание в детстве, каторга и война не прошли для Пинхаса даром и вскоре он умер.

Жизнь Якова была похожа на жизнь его сверстников в ту пору.

Он был не просто пионером и комсомольцем.

Как и большинство его сверстников в то время, он жил жизнью своей страны.

После окончания школы вопроса о дальнейшей карьере для него просто не существовало- он хотел быть военным как и его отец.

Сразу же после школы он поступил в танковое училище, которое закончил как раз накануне войны.

Войну Яков прошел с первого до последнего дня. За время войны он был трижды ранен. Боевое крещение он получил в Белоруссии, в первые же дни войны.

После контузии вернулся в строй, воевал под Курском, войну закончил в Вене в звании майора.

Осенью 1944 года, танковый батальон под его командованием участвовал в бою возле тех мест, где родился его отец.

«Капитан еврей!», радостно восклицали уцелевшие жители еврейских местечек увидев Якова.

После войны он женился, и у них родилась дочь Ирина.

Отслужив в армии 28 лет, Яков вышел на пенсию в звании полковника, но продолжал работать, теперь уже в школе в качестве учителя истории.

тем временем дочь подрастала. Родители не успели что называется оглянуться, как дочь закончила школу и поступила в институт.

Здесь она встретила Виктора- своего будущего мужа.

Почти двухметрового роста, Виктор перед тем как поступить в институт отслужил 3 года на Северном Флоте. Он выделялся в институте своим жизнерадостным характером, способностями и выдающимися спортивными достижениями.

Уже в 16 лет он был кандидатом в мастера по многоборью.

Когда Ирина училась на втором курсе, они поженились. Виктор к тому времени уже заканчивал политех. Вскоре Ирина родила сына, которого в честь деда назвали Яковом.

После окончания института, Виктор получил распределение в Белоруссию.

Здесь он стремительно даже не продвигался, а взлетел по карьерной лестнице.

Еще не достигнув 30 лет, он стал главным инженером одного из крупнейших в республике предприятий.

Между тем старики спокойно старились, каждое лето принимая у себя внука, или навещаясь, как они говорили» к детям».

Все было хорошо и все были счастливы.

Но тут грянула перестройка.

Реб Ашер благополучно пережил вторую мировую войну.

Каким то чудом, ему всегда удавалось благополучно избегать любые бедствия и потрясения.

Погромы, вплоть до конца гражданской войны, подобно волнам накатывали на еврейские местечки.

В одном из таких погромов погибла и мать Пинхаса.

Но реб Ашер что называется, всегда выходил сухим из воды.

Была то случайность, или же закономерность- неясно.

Погромщики грабили и убивали в основном либо бедняков, либо «бизнесменов» средней руки.

У реба Ашера несколько раз страдало имущество, но несмотря на это, он постоянно богател.

После революции, местечко оказалось на территории Польши. Но для Ашера, как впрочем и для евреев здесь живших это мало что поменяло.

Местечко осталось на своем месте, уклад жизни был прежним.

Реб Ашер богател, своих старших сыновей Ашер отправил учиться на адвокатов в Варшаву, а самый младший работал у него приказчиком, управляя обширным хозяйством отца.

Старший сын став адвокатом в середине 20-х перебрался в Берлин.

Средний не доучившись, тоже перебрался в Берлин где стал функционером местной сионистской организации.

Так они и жили пока в эти края не пришла советская власть.

Тогда же Ашер со всей своей семьей исчез. Все принадлежавшие ему заводы и магазины были национализированы.

В местечке открылась школа, начали строить кирпичный завод...

Но тут началась война.

Немцы согнали евреев со всей округи в местечко и превратили его в Гетто.

Председателем юденрата стал реб Ашер, вдруг объявившийся после ухода коммунистов.

Его сын стал заведовать полицией гетто.

Будучи председателем Юденрата, Ашер стал могуществен как никогда раньше.

От него теперь зависело, кому жить, а кому умирать, потому что именно ему немцы поручили составлять списки на депортацию, организацию работ в гетто и вне его, контроль за распределением продовольствия, словом- все, от чего зависит человеческая жизнь.

Его сына боялись не меньше.

Скорый на расправу, он организовал свою полицию из бывших членов местной сионистской организации.

Головорезов Мордехая жители гетто боялись больше чем эсесовцев.

Ближе к концу войны, немцы решили уничтожить гетто а оставшихся евреев депортировать.

По дороге в лагерь смерти, поезд неожиданно был остановлен и из него высадили человек 500, в основном молодых людей, хотя было и несколько пожилых.

В числе пожилых был и реб Ашер, а среди молодых, его сын Мордехай со своими бывшими подчиненными из юденратовской полиции- всего человек 30.

Всех их погрузили на грузовик и отправили в неизвестном направлении...

Здесь след реба Ашера и его семейства на время затерялся.

Но в 1946 году, Ашер со своими сыновьями вдруг обнаружился на святой земле.

После образования государства Израиль, старший стал советником при канцелярии премьер министра, средний стал крупным функционером в Сохнута, где он заведовал отделом еще в свою бытность в Германии. Там он прожил вплоть до второй мировой войны..

Младший- Мордехай получил должность в местном профсоюзе.

Здесь он и проработал до выхода на пенсию.

Но оставив работу, Мордехай не утомился и по прежнему активно участвовал в политике.

Из уважения перед его заслугами, мэр этого тихого городка в самом центре страны пожаловал ему синнекуру в виде ответственного за абсорбцию новых иммигрантов.

И подобно тому, как его отец был богом и царем для евреев местечка, так Мордехай стал главной персоной для прибывавших в начале 90-х тысячами новых иммигрантов.

К нему шли старики не знавшие языка и люди помоложе, просившие его помочь с работой.

Все эти инженеры, учителя, ученые несли к нему свои дипломы и справки, подтверждавшие их трудовой стаж, но Мордехаю, как впрочем и чиновникам в любом другом ведомстве, все эти бумаги были не нужны.

Ему нужны были дворники, грузчики, рабочие на стройку.

И этих дворников и грузчиков с высшим образованием, было хоть отбавляй.

Если бы еще хотя бы год назад, ктонибудь сказал Якову о том, что он когданибудь оставит свою Родину и переселится в Израиль, он назвал бы этого человека сумасшедшим или провокатором.

Но вдруг, все во что он верил и ради чего жил, было в одночасье поругано, и растоптано.

Бывшие спекулянты и фарцовщики стали вдруг уважаемыми людьми, диктовавшими всем как жить в новой жизни. Партийные бонзы всех уровней были с ними в доле.

Молодые и энергичные мальчики и девочки из элитных московских семей, утверждали с экранов телевизоров что все чему служил и ради чего жил Яков было плохо, и что вовсе не он и его однополчане победили в той войне и не за ними была правда, а за теми, от кого они защищали свою страну.

И что все что он строил, оказывается лишь укрепляло преступный режим, который выучил этих вещателей.

Яков давно уже был на пенсии когда однажды, все вдруг резко изменилось. Жизнь сконцентрировалась вокруг телевизора, который обещал изобилие и процветание и счастливую жизнь. Он смотрел на холенные физиономии архитекторов и идеологов перестройки и внутри у него все кипело.

В телевизоре все было красиво, в действительности же продукты первой необходимости приходилось покупать по талонам.

А тем временем, из магазинов исчезло все даже самое необходимое, стало небезопасно выходить на улицу...

И однажды дети объявили родителям о том, что уезжают. Он уже давно ждал этого известия, поэтому слова дочери мало его удивили.

Выбора у стариков не было.

Начались хлопоты со сбором документов, справками, сдачей квартиры.

Яков упаковал альбомы со старыми фотографиями, свои боевые награды, кучу грамот и дипломов, а дети тем временем бегали с какими то справками, по комиссионным магазинам, продавая книги и вещи, покупке которых так радовались когда-то, и в начале 1991 они взошли на трап самолета с сотнями других без 4,5 часов «олим».

И вот, наконец, Израиль, съемная квартира, поиски работы, покупка всего необходимого, споры о семейном бюджете, который как не урезай, а все равно не хватает.

Виктор пошел работать на завод, Ирина – кассиром в супер.

Внук стал учиться в школе.

Спустя год дети взяли ссуды и купили квартиру, хоть и не новую, но зато в престижном районе, в самом центре страны.

Виктор давно уже похоронил мечты о том, чтобы когда-нибудь вновь работать инженером. Но он решил жить ради сына, тяжело работал в две смены и их с женой зарплат вполне хватало чтобы выплачивать ссуды, платить счета, покупать все необходимое для сына, а по выходным, если были силы, ездить на собственной машине любоваться местными красотами, которых было и есть в избытке.

Но тут Виктор получил травму на работе. Травма была серьезной. Физическую работу он более выполнять не мог.

Но все его попытки найти работу если не инженера, то хотя бы более квалифицированную чем та, которую он выполнял на заводе ни к чему не привели.

Пока шли одна за другой медицинские комиссии, приходилось жить на зарплату Ирины и помощь родителей, поскольку зарплату которую платили кассиршам для жизни в центре страны явно не хватало.

В этой суете посреди непривычной и чужой жизни Яков чувствовал себя совершенно беспомощным из-за невозможности помочь детям.

По старой советской привычке,

он искал того, или тех кто отвечает или заведует, в данном случае за их адаптацию, то что здесь называлось абсорбцией.

И такой человек здесь был.

В муниципалитете города в котором он поселился со своей семьей, ответственным за абсорбцию был некий Мордехай- старик с крючковатым носом и белесыми глазами.

Узнав фамилию Мордехая, Яков направился к нему и сказал, что у его отца была когда то точно такая же фамилия.

Старик внимательно посмотрел на Якова.

«А откуда родом был ваш отец?» – недоверчиво покосившись спросил Мордехай.

Мало помалу, выяснилось, что они хоть и не родные, но братья друг другу.

Но узнав о своем родстве, Яков не почувствовал тепла во взгляде Мордехая и сам не испытал родственных чувств по отношению к внезапно объявившемуся брату.

В самом главном Яков не решался признаться даже самому себе. Это было глубокое презрение к таким как Мордехай – малограмотным, амбициозным выскочкам из черты оседлости.

Яков давно уже чувствовал почти неприкрытую ненависть по отношению к себе и таким как он со стороны Мордехая и ему подобных. Тогда, он мог лишь догадываться о причинах этой ненависти.

«Садись!», вдруг переходя на ты, покровительственно обратился к Якову стоявшему уже четверть часа Мордехай.

Он стал спрашивать Якова о нем самом и его жизни, а потом долго говорил о самом себе.

Мордехай с гордостью рассказывал о том, что всю жизнь он всем помогал и сейчас тоже помогает.

У него были специальные часы приема в личном кабинете, в котором он собирал по 10 —15 человек.

Он обращался к одному из пришедших, потом вдруг оборвав говорившего, обращался к другому и не дослушав, к третьему.

В результате говорили все одновременно, а Мордехай возвышаясь над говорящими давал какие то указания то своей секретарше, то пришедшим.

Сегодня Мордехай был один.

У него редко теперь кто бывал.

Яков никак не мог понять, почему ученые, врачи и учителя не могут работать в Израиле нигде кроме уборки мусора или чернорабочими на стройке, чем и вызвал досаду Мордки.

«Израиль это тебе не Россия» важно произнес Мордка. «Это я уже слышал» и не раз грустно про себя заметил Яков, но не подал виду и слушал. «вы же не знаете языка и потом, образование у вас не такое как здесь» с нажимом сказал Мордехай, нигде кроме магазинов отца не учившийся.

– «Ведь не секрет что большинство ваших дипломов купленные», ехидно оскалился Мордехай.

Он говорил по-русски с сильным польским акцентом, но весьма уверенно.

Кровь прилила к вискам Якова, но он снова сдержался.

Потом Мордехай снова долго рассказывал о себе и своей семье, как они всем всегда помогали и как он помогает до сих пор.

Эта встреча была триумфом Мордехая. Ему казалось, что он ждал этого момента всю жизнь, когда эта ненавистная, могучая империя, причина его извечного страха, на фоне которой он казался себе таким маленьким, теперь, поставлена на колени, а его брат и ему подобные теперь беспомощные как дети и зависят от него и он Мордка выступает в роли учителя, благодетеля и вершителя судеб.

Наконец Яков не выдержал и напомнил о цели своего визита.

Мордехай ничего не ответил, глядя в упор на Якова

Яков поднялся с тем, чтобы закончить этот неприятный разговор, но Мордехай неожиданно остановил его.

– «Сейчас я занят», сказал он, а в Шабат я заеду и мы сможем поговорить. Может, я чем смогу помочь.

Яков хотел было сказать что он ни в чем не нуждается, но промолчал, вспомнив о зяте.

Мордехай заявился как и обещал в шабат вместе с женой и еще парой стариков, так же вершившими судьбы новых эмигрантов, но только в другом ведомстве.

Одна из старух, с короткими ручками и ножками, похожая на раздутый пufик, была какой-то важной чиновницей в министерстве здравоохранения, хотя в свое время закончила сельскохозяйственный институт где-то в Средней Азии.

Гости много рассказывали о себе и о том, как нужно жить в Израиле и по их сытым, лоснящимся от жира лицам было видно, что они верят во все то, что говорят. Буквально через каждые несколько фраз они объяснялись в любви к Израилю и заявляли, что высшим счастьем для них является жить среди евреев. На хозяев они смотрели так, будто это были пленные солдаты поверженной армии, или голодные беженцы из стран третьего мира.

При этом гости с удовольствием отпускали шуточки в адрес «русских» и «покойного» Союза.

Было видно, что эта тема нравится гостям.

А Яков смотрел на гостей и не мог отделаться от странного чувства, будто гости напоминают ему индюков. В них действительно было много индюшачего: Жирные шеи и щеки находились в явной дисгармонии с маленькими, заплывшими глазками. Маленькие головы и огромные животы и короткие тоненькие ноги, при всей их напыщенности, создавали ощущение гротескности происходящего. Яков невольно думал о том, чем вызванно такие ощущения и терялся в догадках. Может быть из-за их пристрастия к индюшатине? Яков вдруг поймал себя на мысли, что эти люди ему глубоко антипатичны.

Веселье гостей нарушил Виктор, заметив на одну из фраз гостей о Союзе, что был директором предприятия, которое по своей площади превосходило весь Израиль.

После этого веселье гостей сошло на нет и вскоре они засобирались.

Когда Ирина напомнила Мордехая про мужа, он поморщился: – «Сегодня Шабат, давайте среди недели, ближе к концу».

На приготовленные Ириной справки и резюме ни он, ни его спутники, даже не взглянули.

Прошел следующий Шабат и еще Шабат. Потом начался Песах- еврейская Пасха.

И тут Мордехай вдруг неожиданно объявился, позвонив по телефону и пригласил всю семью Якова к себе на виллу – отмечать праздник.

Положение семьи между тем становилось все более отчаянным. Здоровье Виктора не улучшилось, комиссии пока не вынесли никакого решения, а завод, на котором работал Виктор, не торопился выплатить ему компенсацию.

За помощью обращаться тоже было не к кому.

Единственным их родственником в Израиле был Мордехай. И они поехали.

На вилле у Мордехая собрались его дети и внуки.

Здесь и встретились в первый раз дети и внуки обоих братьев.

По еврейскому обычаю, в богатых семьях на большой праздник принято приглашать бедных родственников. На это раз, подобная роль была отведена семье Якова.

Дочь с зятем, внук Якова и сам Яков сидели в углу и чувствовали себя именно бедными родственниками. С ними никто не общался и вообще казалось, что их не замечают. В конце концов, дочь вызвала такси и вместе с мужем и сыном уехала домой

Эта встреча окончательно определила её отношение к Израилю и она решила, что ни за что не останется здесь.

А Яков подумал тогда: – «Что толку ломиться в наглухо закрытую дверь?» Война давно закончилась, но ненависть и вражда остались. И победитель в этой войне не он, а Мордка. Так думал старик. Все эти годы, когда рушилась привычная жизнь, одним из строителей которой был он сам, Яков чувствовал себя солдатом, которого предали его командиры. Дети Якова и он вместе с ними выпорхнули из разоренного гнезда. Тогда казалось, что навстречу новой жизни.

Но эта новая жизнь оказалась мерзкой старухой из нищего еврейского местечка.

Он вспомнил вдруг рассказы отца о жизни в еврейском местечке, которые пересказывала ему мать. О хедере, с его полуграмотным, злопамятным ребе, многодетной, голодной семье в затхлой избе, о матери, валявшейся в ногах у самодовольного, лоснящегося от жира раввина с просьбами о детях.

Мать рассказывала ему ещё, что его отец ненавидел местечко всем сердцем. Оно было для отца символом нищеты, унижений и безысходности, и вся жизнь отца была войной против той, старой жизни.

Сколько сил, сколько жизней было положено, чтобы вырваться из гетто и вот теперь, на старости лет, он снова оказался в гетто. Что ждет здесь его детей, его внуков? Перед ним вдруг снова возникла ухмыляющаяся физиономия Мордке.

И тогда Яков чётко для себя решил, что его дети не станут здесь жить.

Прошло 4-е года. Практически каждый день Израиль содрагался от взрывов. Хмель самодовольства от ощущения себя империей улетучился и вместо него наступило тяжкое похмелье. Уже практически никто не вспоминал о совсем недавнем величии начало которому было положено в 67-м.

Яков по-стариковски коротал вечера у телевизора, который сообщал подробности очередного взрыва.

В это время, зазвенел телефон. Вместо голоса, Яков услышал отчаянные рыдания. Это был Мордехай. Яков пытался успокоить брата и одновременно понять, что же произошло.

Наконец, до него дошел страшный смысл обрывочных фраз брата – его внучка погибла сегодня, во время взрыва в каком-то тель-авивском кафе.

Рассказав дочери о случившемся, Яков, как бы извиняясь, добавил: «Нужно бы поехать к нему».

Пока Яков говорил, на лице дочери не дрогнул ни один мускул. – «Я останусь с Витей, он болеет» – наконец, ответила дочь.

– «Все же он мой брат, да и все эти взрывы – наша общая беда», будто извиняясь говорил Яков.

Вдруг лицо дочери покрылось красными пятнами от гнева. – «Почему же тогда, когда я их умоляла со слезами, чуть ли не на коленях, когда я была в отчаянии и Виктор не мог встать с кровати, почему тогда они даже не посочувствовали нам?! А теперь ты хочешь ехать их утешать?! Вспомни хотя бы как они смотрели тогда на нас, там, на вилле у Мордке, и здесь, у нас дома!», – крикнула дочь.

– «Всё-таки я поеду» – твёрдо сказал Яков.

Поскольку автобус не ходил в район вилл, Яков взял такси и поехал к брату.

Когда он вошёл, Мордке неподвижно сидел на полу, а его жена рвала на себе волосы и даже не выла, а как-то зловеще рычала. Сын Мотки с окаменевшим белым лицом, на котором не осталось и следа вечного загара, обнимал свою жену – безутешную мать погибшей девочки.

В углу сидели заплаканные, притихшие дети.

Яков сел возле брата. Так он просидел минут двадцать возле него, но всё не находил слов для брата. Перед ним сидел высохший, лысый старик с воспаленными глазами, шептавший себе под нос какие-то непонятные слова.

Яков сидел возле него не находя нужных слов и всё не решался положить руку на плечо брата.

Бродячий агент

Чёрт меня угораздил ответить ему на приветствие. Обычно я прохожу мимо этих несчастных – рядовых рыночной войны, отчаянно пытающихся заработать свою копейку завлекая прохожих. А тут... Стоило мне ответить ему, и бродячий агент вцепился в меня мертвой хваткой.

– Откуда мне знакомо ваше лицо?

– Понятия не имею. Извините, я спешу-опазываю на работу.

– Понимаю. Кстати, я тоже тороплюсь. Но нам по дороге. Отсюда ведь одна дорога. Так устроен наш город и вообще этот мир: одна дорога для всех. Никто не пройдет за нас наш путь. И никого не интересует можешь ты идти или нет: здоровый ли, больной, а раз уж пришел в этот мир – иди пока можешь, выбора у тебя нет.

Да, дорога у всех нас одна, а вот мечта, мечта у каждого она своя. И вот каждый стремится по этой общей дороге к своей цели. А вот что там в конце: воплощение мечты или разочарование- это уж кому как повезет. Впрочем, в одном ли только везении дело? Неужели от нас самих ничего не зависит?

Я не собирался ему подыгрывать и поэтому молчал. Но он не унывал и не оставлял свои попытки разговорить меня.

– Вот у вас, есть мечта? А если есть, можете ли вы ее осуществить? У меня глаз наметанный, я психолог – сразу людей вижу. Вот вы сейчас думаете: «чего он ко мне пристал? Не для меня всё это, ведь я уже не молод, куда мне?» Поверьте, я тоже так думал... Он говорил очень быстро, не давая мне вставить слова.

Меня это раздражало и я уже не сдерживаясь прервал его:

– Послушайте, я сейчас не расположен к философии и кроме того, вы задаете слишком много вопросов.

– Извините, прижал он руку к груди, -Но я ведь не просто так с вами заговорил. У меня чутьё на людей. Есть в вас что-то этакое... Вы наверное врач или учитель, а может быть ученый? Я угадал?

– Нет, не угадали, я давно уже не связан ни с наукой, ни с образованием, а врачом никогда не был. Пролетарий я. Работник физического труда.

– Понимаю. Я и сам двадцать лет где только ни проработал! И на стройке, и на заводе... Но годы берут свое, здоровье уже не то да и кто меня возьмет на работу в мои-то годы? Но все, что ни делается – к лучшему. Я ведь раньше не задумывался о том, чего хочу от жизни. У меня просто не было на это времени. И вот тогда только, когда у меня не было уже ни сил, ни здоровья, я впервые задумался: кто я? Зачем? Есть ли у меня мечта?

Ну и как, нашли свою мечту? – Спросил я.

– Нашел, – ответил он.

Мой навязчивый собеседник ждал, что я спрошу его какая у него мечта, но я молчал и думал только о том, как бы поскорее от него отвязаться.

Но он не расстерялся и не дождавшись ответа, продолжал как ни в чем ни бывало.

– Я не просто нашел свою мечту- я ее осуществил! – Бодро сказал он, заполняя как яму бетоном наметившуюся пропасть между нами.

– Вот как, – усмехнулся я.

– Да, -уверенно подтвердил мой собеседник.

– То есть все свои проблемы вы решили и теперь помогаете другим. -Я уже не скрывал своего сарказма.

– А как иначе? – Он развел руками. – Как можно сделать свободными других, если сам ты- раб?

– Значит вы помогаете людям освободиться от рабства, я вас правильно понял?

– Именно так! -Радостно воскликнул он. -Вот вы, например, работаете на своего хозяина, отдаете ему свои силы, время и в конечном счете жизнь. Ради чего? Что вы получаете взамен? Деньги? Но помогут ли эти деньги вам осуществить свою мечту? Работая на кого-то вы никогда не будете иметь то, о чем мечтаете!

Он сделал короткую паузу и спросил:

– А она у вас вообще есть, мечта? -Этот бродячий агент по всей видимости рассчитывал на особый эффект именно от этой фразы.

Я же решил, что это самый подходящий момент для того, чтобы от него избавиться.

– Есть. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Он посмотрел на меня с недоумением:

– Разве это мечта?

– У каждого свои представления о мечте.

На секунду он задумался и затем сказал:

– Покой бывает только на кладбище.

– Покой- это и есть свобода о которой вы так печетесь.

– Покой... – пытался он переварить в уме мои слова. – А как же мечта?

– У меня все есть. Мне ничего не нужно. А чужие мечты- тем более.

– Человек без мечты- хуже нищего, – изрек он. – Так говорят философы, -добавил агент, чувствуя уязвимость своих утверждений.

– Какие философы? – спросил я.

Крыть ему было нечем.

Судя по виду, он бывший борец-широкоплечий, с мощной шеей. Взгляд цепкий, реакция быстрая как у змеи. И повадки как у борца-«вольника» -бросок, молниеносный захват, мертвая хватка. Главное- быстрее подмять противника под себя. Нахраписрый как спортсмен, но едва ли он вообще имеет понятие о философии, да и не нужно ему это...

На работу с работы я хожу пешком. Так и для здоровья лучше, и для кармана, да и просто хочется побыть одному. Откуда он взялся на мою голову? Я был раздосадован и теперь вымещал на нём свою досаду.

– Я раб, а вы хотите мне помочь? Скажите лучше что вы продаете, -перешел я в контратаку.

Я ничего не продаю, я помогаю людям стать свободными и избавиться от рабства.

И как же вы это делаете?

– Я ждал этого вопроса! – обрадовался он. – Единственный путь к свободе- это бизнес, свой собственный, разумеется. Я поэтому и заговорил с вами- сразу заметил, что вы человек с головой. Для бизнеса это самое главное: иметь голову и желание.

– Для бизнеса нужны деньги, хорошие деньги, -отрезал я. И если у вас их нет вам, нужно их украсть или обмануть кого-то или и то, и другое. Деньги для бизнеса добываются именно так.

Странные у вас представления о бизнесе, – с обидой сказал он.

– Лучше скажите прямо, что вы хотите мне продать?

– Я ничего не продаю, с достоинством сказал он. – Я помогаю людям открыть свой бизнес и стать свободными.

– И что же это за бизнес? Герболайф? Или какая-нибудь тибетская диковинка? – Говорите прямо!

Зря вы так, -вдруг с укором сказал он. -Когда жена умерла, я и сам хотел умереть. От тоски, от одиночества, от бессилия что-либо изменить... А герболайф вернул меня к жизни. За день я общаюсь с самыми разными людьми. Кто-то отмахивается от меня, кто-то отшучивается. Да и я не со всеми готов говорить. Есть люди, с которыми и говорить не стоит. Они меня не поймут. Просто не захотят услышать. Может и выслушают, но не услышат. А тем более не поймут.

А вам я благодарен. Вы терпеливо меня слушали, хоть и не согласны со мной. И... Не судите строго. Ведь есть люди, которые нашли в этом деле пускай не мечту, но хотя бы надежду, как я.

После его слов я уже не стал спрашивать его сколько из тех, кому он указал путь разбогатели на герболайфе и обрели свободу от необходимости работать на кого-то.

Не стал я спрашивать его и о том, на что рассчитывает он сам, пытаясь так вот наивно заставить кого-то работать на себя. Пока он надеется, что найдет простаков или перехитрит умников, вроде меня-умных в одном и ничего не смыслящих, в соответствии с его представлениями, в жизни.

Вероятнее всего, что в конце-концов он останется с тем же с чем и был: ни с чем. Но ничего этого я не стал ему говорить.

– Извините, я не хотел вас обидеть, – сказал я.

– Ну что вы, я рад был с вами пообщаться.

Он больше не стал мне ничего говорить. Мы пожали друг другу руки и разошлись. Он шел обратно в город, пытаясь расправить свои широкие плечи, а я и правда уже торопился на работу.

Бурьян и манна

Этот город посреди пустыни был создан для того, чтобы закрепить в пустыне еврейское присутствие и вытеснить отсюда бедуинов, считавших эту землю своею.

В первые годы после образования государства здесь селили иммигрантов из Северной Африки. Чуть позже поселили иммигрантов из Индии.

Но жившим здесь городок не нравился и при первой же возможности они отсюда уезжали либо в центр, либо прост в более крупные города.

Построенные здесь клуб, торговый центр, представлявший собой огромный квадрат посреди города, усеянный лавками и небольшими магазинами, не добавили городу привлекательности и граждане по-прежнему не желали здесь жить.

Потенциальных горожан отпугивало отсутствие работы и удаленность от центра и жили здесь в основном старики и те, кого принято относить к неблагополучным, или как их политкорректно называют- слабым слоям населения.

И тогда возник этот амбициозный проект, призванный коренным образом изменить ситуацию. Здесь решено было построить новый район города, который планировался как образцовый и элитный. Его население должны были составить люди исключительно с высшим образованием- инженеры, ученые, деятели искусств- в общем, интеллектуальная элита.

Скорее всего, подобная мысль об элитном районе пришла в голову какому-нибудь сионистскому деятелю хрущевского разлива, поскольку очень напоминала идею академгородка в Новосибирске.

По замыслу авторов, проект должен был стать гордостью всей страны и чем-то вроде «нигде в мире такого нет...»

Проект предусматривал шикарный парк, современные жилые дома, учреждения культуры и много чего еще.

Парк был разбит, дома украшены палисадниками, но потом что-то видно не заладилось, и район сначала незаметно, а потом все более явно стал терять свою привлекательность.

То ли для заселения района не хватило достаточно образованных, то ли еще по какой-то причине, но очень скоро он стал приобретать черты, не запланированные в проекте.

Главной проблемой являлось неучтенное авторами проекта века нежелание интеллектуалов менять свое уютное и комфортное жилье в элитных районах Тель-Авива на романтику пустыни.

Те же из интеллектуалов кто все-таки решились, в большинстве своем быстро разочаровались и поспешили обратно.

Дабы спасти проект, решено было использовать новый район для приобщения к высокой культуре новых иммигрантов, которые начали прибывать в страну ежедневно тысячами, а иногда и десятками тысяч.

Первыми в новые дома вселились иммигранты из Эфиопии.

Сразу после своего вселения их дети последовательно и терпеливо стали разбирать, точнее выковыривать камни из декоративных, каменных оград, окаймлявших палисадники, а те, что постарше, развлекались тем, что прикармливали бездомных собак и потом травили ими кошек.

Вслед за эфиопами приехали «русские».

С приездом «русских», стены подъездов покрылись недвусмысленными рисунками и надписями. Одновременно с росписью стен в подъездах, были разобраны интеркомы, а палисадники превращены приехавшими детьми в футбольные поля.

Пока дети новых иммигрантов самозабвенно вытаптывали траву возле домов, их родители зарабатывали на жизнь и обустривали собственные берлоги.

По выходным они.. оснастившись мангалами и огромными сумками со жратвой всей семьей важно шествовали в парк поблизости, где до вечера под музыку жарили мясо.

Этот понравившийся обычай они переняли у выходцев из Северной Африки, которые по выходным, а многие и без выходных, жарили и ели мясо здесь же.

Таким образом происходило сближение культур. Свидетельством этого сближения были мешки с мусором, а зачастую и мусор без мешков, разбросанные по всему парку, черные круги от костров и угля и все увеличивающиеся размеры залысин на месте искусственной травы.

Похоже что превращенные в пустырь полисадники, повсеместно раскиданные пакеты с мусором, изуродованные двери и стены домов никого беспокоили.

Разнообразили культурную жизнь городка и так называемые «русские магазины», которые с приездом «русских», стали расти как грибы после дождя и успешно конкурировавшие с ларьками выходцев из Северной Африки.

В «русских магазинах» продавались деликатесы из всех республик бывшего Союза, спиртное всех видов и этикеток и легкая закуска к нему.

И все было по-русски.

Очень быстро, эти магазины превратились в своего рода клубы, где люди зрелые любили собираться, чтобы в компании выпить пива и пообщаться.

Спустя какое-то время, к ним присоединились эфиопы, любившие пиво не меньше «русских» и всех других народов земли и культурной интеграции был дан новый, мощный толчок.

Здесь же по утрам собирались старики, приходившие за колбасой, варениками и прочими деликатесами из прежней жизни. Местные продукты казались им невкусными и дорогими.

В процессе покупок они общались и попутно набирали бесплатные рекламные листки и газеты, которые днем прочитывали, а вечером застилали ими скамейки на которых часами вели светские беседы.

Утром эти газеты в перемешку со своими ивритскими аналогами устилали вытопанные просторы палисадников и парков.

По мере того как район все больше и больше превращался в огромный, грязный пустырь он все больше походил на нечто среднее, между африканской и российской глубинкой, без ее полей лесов и рек.

Никому не мешало запустение, но кому-то мешали неуклюжие бетонные скамейки – наверное, из-за их недостаточной эстетичности. Поэтому их перевернули вверх дном.

Затем перевернули и сожгли киоск.

Кругом валялись кульки с мусором, посреди которого бегали никогда не умолкающие замурзанные дети.

Наркоманы, которым постоянно нужна вода порезали все оросительные трубы.

В результате, кустарники и вся зелень которая уцелела до сих пор высохли и выгорели и весь район превратился в огромный пустырь на котором рос лишь бурьян – такой же наглый, ничемный, и неистребимый как хамство и убожество вокруг него.

Летом стояла такая духота, что с наступлением вечера, все, кто хоть как-то могли двигаться выползали на улицу и тогда все обитатели района превращаясь в однообразную массу, прогуливались вокруг пустырей, которые как гигантская лысина, поглотили все пространство. Эта масса изнемогала от жары и праздности и лишь бурьяну все было безразлично. Ему было абсолютно безразлично происхождение воды, которую он находил в земле, была ли то вода с небес или из канализации. Он безразлично относился к солнцу если его было слишком много и не жалел о нем если его вовсе не было.

Он был из тех, кто не ломается, а лишь гнется если его пытаются затоптать, но жестоко мстит, когда его пытаются вырвать из земли, оставляя на руках обидчика занозы и глубокие раны.

Он вообще безразличен ко всему на свете: и к солнцу, и к публике его окружающей..

В принципе, только так здесь и можно выжить. Нежной зеленой траве здесь не место. Земля здесь лишена материнских чувств, и от нее не дождешься ни воды, ни злаков.

И люди живущие на этой земле казались частью ее плоти: безразличные и самовлюбленные, они хорошо уживались и с пустырем и с бурьяном царившим повсюду.

Из прежних обитателей района осталась лишь одна странная пара. Все остальные кто мог -бежали подальше. Они как -то резко выделялись на фоне общей картины: странно одевались-мужчина всегда появлялся на улице в тройке, белой рубашке и галстук. Он носил аккуратную рыжую бородку и такого же цвета усы. На публике он всегда появлялся в соломенной, неширокой шляпе. Женщина всегда была одета в неброские, длинные платья и всегда покрывала голову платком. Держались они скромно, а ее глаза постоянно лучились каким – то особым светом.

Почему они остались здесь никто не знал.

Говорили, что на местном кладбище похоронен их сын и они остались, чтобы быть поближе к нему.

Их палисадник был единственным выжившим из всех и они защищались от назойливой действительности как могли: цветами на окнах, двойными дверьми и книгами и Молитвой.

Новые обитатели района смотрели на них с недоумением, как на инопланетян, или путешественников из далекого прошлого.

От их дома струилось магическое тепло, запах ладана и воска свечей. Этот могучий дух будто окутывал дом странной пары.

По вечерам, когда женщина покрыв голову платком читала молитву, дом лучился теплым, мягким светом.

Станный дом как магнит притягивал зевак. Смотрели на них недоброжелательно, хотя и не трогали. Поговаривали что они состоят в какой-то религиозной секте.

Иногда, проходя мимо их дома некоторые с неприязнью говорили,: «Что они здесь забыли среди евреев?!»

Их доброжелательность ко всему что их окружало была непонятна соседу- непримиримому борцу с гнусной действительностью.

«Я в жизни себе не мог представить, что буду жить среди этого сброда», возмущался молодой человек с копной черных, кучерявых волос. «Что вы здесь нашли?!» патетически спрашивал он хозяев уцелевшего палисадника.

«Это Святая Земля» – загадочно произносили они в ответ но при этом их взгляды говорили о многом.

Они смотрели на юношу как на ребенка, который многого еще просто не в силах понять.

Впрочем, не только юноша никак не мог понять, что держит здесь эту странную пару. Этот вопрос себе и друг другу задавали многие, теряясь в догадках.

Им было непонятно, что они искали на этой земле.

И вот однажды произошло чудо.

В начале весны, после обильных дождей, прямо посреди пустыря пробился едва видимый глазу росток. Он стремительно рос и покрывался белым как снег цветом. Росток вырос за одну ночь и превратился в огромный куст, весь укутанный белоснежными хлопьями.

Это происшествие всколыхнуло всю местную публику, которая окружила белоснежный куст плотным кольцом и с любопытством глазела на непонятное чудо.

Они глазели на это чудо посреди бурьяна открыв рты и не в силах оторвать взгляды.

Впервые за много лет, стало так тихо, что была слышна даже молитва, которую читала та странная женщина перед образами и казалось, что все в этот миг слушали притихнув ее молитвы

Наконец кто-то из детей решился и дотронулся до белых хлопьев и даже поднес кор рту. Белоснежные хлопья оказались мягкими ароматными и сладкими как мед.

Дети бережно собирали хлопья и ели их, забыв про футбол, велосипеды и про все на свете.

Теперь все свое свободное время, они бережно лелеяли и поливали этот куст – и «русские» и «эфиопы» и «индусы» и «мароканцы».

А куст все цвел и никто не мог найти этому чуду объяснения.

Но главное чудо произошло на пустыре: вытоптаный пустырь весь зацвел манной, и все вокруг стало белым как снег. На фоне этой белизны угрюмо чернел бурьян, недовольный тем, что его диктатура закончилась.

Поглядеть на это чудо пришли все: и дети и взрослые и даже немощные старики.

Все вместе они молча смотрели на произошедшее чудо, не в силах оторваться от величественной картины.

Из обывателей, они превратились в свидетелей чуда и теперь не уставали любоваться этим прекрасным зрелищем.

Но вот пригрело солнце, становясь все беспощаднее и цветы манны поникли, затем скукожились и превратились в черные, обуглившиеся головешки.

Пустырь снова стал серым, будто и не было чуда.

«Вот и все», уныло сказали старики.

Дети же быстро забыли о чудесных ростках и как ни в чем не бывало, продолжали играть в футбол на том самом месте, где еще совсем недавно цвели кусты манны.

И лишь сосед странной пары увидев гибель чуда расплакался как дитя.

«Не расстраивайтесь», сказала женщина «Манна не умерла. Она лишь спряталась глубоко в земле, чтобы снова зацвести с новой силой». Ее спутник лишь загадочно посмотрел на юношу, будто подтверждая слова женщины..

Им можно было верить. Они то твердо знали, что с первыми дождями, которые смоят все наносное и все нечистоты земля вокруг снова станет белой от Манны. Ведь Эта не простая земля.

Бывший Гуру

Провожая своих гостей, Аркадий все повторял одну и ту же фразу: моя жена – это просто чудо. При этом, он как – то беспомощно потирал руки и улыбался жалкой, натужной улыбкой.

В этот момент он был похож на старого, местечкового еврея, жалкого и одинокого.

За его фальшивым восторгом явно сквозили страх и растерянность.

Но у него не было для этого ни сил, ни мужества, чтобы признаться себе в реальном положении дел и он стоял с идиотской, восторженной улыбкой, и так-же идиотски-восторженно восхвалял свою чудо-жену, хотя она не имела никакого отношения ко всему предшествовавшему разговору.

Казалось, весь этот спектакль был рассчитан именно на нее.

Оно так и было в действительности. Затылком он чувствовал, что она внимательно за ним наблюдает, за каждым его жестом, за каждым его словом, движением лица, или поворотом головы.

Ее внезапные появления и постоянно вопрошающий взгляд сильно угнетали его в последнее время.

Незаметно приоткрыв дверь, она украдкой наблюдала за его разговорами с посетителями, опасаясь, что что то пойдет не так и в этот момент она напоминала маленькую собачонку, бесстрашно защищающую своего большого хозяина.

А он при ее появлении, чувствовал себя незадачливым школьником застигнутым врасплох матерью, или учительницей. Он не знал в чем виноват перед ней, но был абсолютно уверен, что его вина будет выявлена и доказана, после чего он будет опозорен и наказан.

В последнее время, он сильно тушевался в ее присутствии, чувствуя себя дворняжкой, которую подобрали на улице и теперь кормят из милости.

Сам того не замечая, он растерянно потирал руки, как-будто ему было холодно и напряженно ждал, когда же гости уйдут.

Когда гости уходили, ему все казалось, что в их взглядах и выражении лиц была скрытая насмешка. Впрочем, может быть это ему лишь показалось?

Закрывая за гостями дверь, он иногда ощущал как невыносимо ноют у него затылок и плечи.

Боль была какой-то унылой, как ожидание ее тревожных вопросов: ну как? Ну что?

Когда она задавала свои вопросы, он начинал чувствовать досаду на нее, хотя без жены, которая никогда и ни в чем его не упрекала, он давно бы уже пропал здесь.

Это была ее идея – собрать группу наподобие той, что была у него в прежней жизни.

Только сейчас он понял, насколько идиотской была эта затея. После каждого такого начинания, он еще острее чувствовал собственную беспомощность, ненужность и... зависимость от нее.

При всей своей безудержной самовлюбленности, он прекрасно осозновал, что обанкротился как личность, как профессионал, как мужчина и единственным его достоянием была его жена, которая умела все: она стригла, красила, делала маникюр и педикюр и еще успевала продавать косметику.

И ее доходов вполне хватало на жизнь в хорошем районе в самом центре.

В последнее время ему казалось, что в его жизни незримо присутствует он сам и еще кто-то и этот кто-то все больше действовал ему на нервы, потому что все время утешал и ободрял его но делал это крайне неумело – ложь была очевидна и сам этот некто казалось был соткан из сплошной лжи.

Тот кого он утешал был состарившимся звездным мальчиком, из тех, кого переполняли бесчисленные амбиции и в ком души не чаяли родители.

Они заканчивали с золотой медалью школу, перебирали престижные вузы, уверенно заходили в любые двери, всегда были на виду, вызывая всеобщие зависть и восхищение.

Обласканные жизнью, они как бенгальские огни сыпали вокруг себя холодные искры своих нереализованных талантов, не замечая времени, пока однажды не натыкались на старость.

Старость будто ехидный и безжалостный ростовщик предъявляла незадачливому звездному мальчику счет, заставляя платить за все сразу.

Ему казалось несправедливым, что жизнь требует оплаты именно в тот момент, когда он оказался полным банкротом и от него абсолютно ничего не осталось. Но именно в этот момент пришлось платить за все сполна.

Его отец занимал высокую должность в министерстве транспорта. Мать была еврейкой, но благодаря фамилии и авторитету отца об этом мало кто знал и редко вспоминали.

Мать не чаяла в нем души и жила фактически лишь ради него и он довольно быстро уверовал в то, что весь этот мир создан лишь для него и для того, чтобы им восхищаться.

Он легко и радостно прожил первые семнадцать лет своей жизни.

Впоследствии же он поменял как минимум 4 ВУЗа, нигде долго не задерживаясь.

Мать оправдывала его тем, что любой институт слишком тесен для его талантов и ему очень нравилась эта ее версия.

Он настолько вошел в роль звездного мальчика сгибающегося под бременем собственных талантов, что любое усилие стало его тяготить и развальясь где-нибудь в кресле он вальяжно рассуждал о том, что еще не нашел свое высшее предназначение, а заниматься чем попало не желает.

Однако подойдя к 25 годам, он понял, что пора остепениться.

Где то к 27 он закончил медицинский, получив диплом психиатра.

Но однообразная работа где-нибудь в больнице или поликлинике претила ему и он вскоре занялся главным делом своей жизни – поиском своего высшего предназначения.

В процессе поиска он успел трижды жениться и ото всех браков у него были дети.

Романы его были бурными, но непродолжительными. В процессе разводов он всегда чувствовал безоговорочную поддержку матери, которая утешала его и защищала от жестоких и коварных женщин так несправедливо обидевших ее сына.

К тому времени, отец перестал с ним разговаривать, считая его тунеядцем и асоциальным элементом, но тем не менее продолжал помогать в трудных ситуациях.

А таких было немало.

Так например, он решил писать диссертацию и рьяно взялся за дело.

Он видел себя новым Фрейдом, надеясь преподнести миру новую теорию или что то в этом роде.

Но прошло три года, а он так ничего и не написав в конце концов вылетел из аспирантуры и стал практиковать при санаториях в Крыму.

Однако спокойная жизнь очень скоро стала тяготить его. Ему не хватало в его новой деятельности чего-то, какого-то компонента без которого жизнь становится совершенно пресной и безвкусной.

А ему хотелось быть новатором, подвижником и решил пойти на переکور устоям.

Обращались к нему пациентки и он лечил их по Фрейду, видя корень всех бед в сексуальных расстройствах.

Когда Фрейд не помогал, он лечил своих пациенток в постели.

Так он познакомился с тремя своими женами, в их числе и с нынешней.

В то время, он бесстрашно спускался в бездонный подвал человеческого сознания и творил чудеса.

Пациентки его боготворили – он утешал их как мог до тех пор, пока о его методах лечения не стало известно начальству.

Разразился страшный скандал, его лишили диплома и работы.

Но Аркадий не расстерялся.

Из своих бывших пациенток и пациентов, которые смотрели на него как на Бога, он создал настоящую секту.

В течение нескольких лет, секта стремительно росла.

Приходившим к нему людям казалось, что он утверждает их право быть такими, какие они есть, а может быть и лучше чем непосвященные.

Аркадий создал для них искусственное общество, в котором все они были подобны аквариумным рыбкам, а он – их Богом.

Тогда, к нему в секту попадали лишь избранные, те, кого Бого-человек решил приблизить к себе.

Своих апостолов он покорял в том числе и уникальной способностью читать мысли на расстоянии.

Точнее, это было скорее не чтение, а внушение.

Общаясь с ним, люди слабые, особенно женщины быстро начинали верить в то, что его мысли, это их собственные и что его желания, это их желания.

Ни одна женщина из числа его пациенток не могла устоять перед его обаянием, когда он брал ее за руки и начинал рассказывать ей о ее судьбе.

Она начинала ему беззаветно верить, вера и восхищение скоро перерастали в любовь и он начинал лечить ее уже через постель.

Так попала в его объятия и она, его нынешняя жена. В отличие от других женщин прошедших через его постель, она не вернулась обратно к мужу а переехала к нему.

Она влюбилась в него без памяти, она поклонялась ему как божеству, смотрела на него как будто маленькая девочка на вдруг ожившего Будду.

Тогда, ей казалось, что он может легко разрешить любые, казалось самые неразрешимые проблемы и она слепо повиновалась ему во всем.

Он относился к ней снисходительно как к преданной собачонке, позволяя себя любить.

Но теперь все изменилось.

А началось все с того, что о секте узнали компетентные органы и завели на него уголовное дело.

Неизвестно чем бы все кончилось, но тут началась перестройка, и дела его снова резко пошли вверх.

Он даже начал готовиться к старту в большой политике, но тут снова начались проблемы.

Более именитые влиятельные гуру стали его теснить, снова начались проблемы с органами и в один прекрасный день, Аркадий вдруг обнаружил, что прижат к стенке.

Тогда бросив все, он буквально сбежал, сначала в Штаты, затем в Германию, пока не очутился в Израиле.

Здесь все его попытки подтвердить когда то полученный диплом с треском провалились.

Его былая слава никого не интересовала.

Попытки сблизиться с ортодоксами также не принесли результата.

Вдобавок ко всему, он никак не мог выучить язык.

Тогда он узнав о том, что здесь же живут бывшие члены его секты, попытался снова восстановить свое прежнее влияние.

Но и эта попытка не принесла никакого результата.

Аркадий уже не чувствовал былой уверенности, руки были холодными и люди всегда нуждавшиеся в сильной личности, быстро это почувствовали.

Прежняя восторженность быстро сменилась разочарованием, постепенно перераставшей в ненависть.

Поклонявшиеся идолу теперь желали вдребезги разбить его.

Сейчас он был полностью раздавлен и унижен, и по сути жил за счет жены.

При этом ему даже не приходило в голову найти себе простую работу.

Он был выше того, чтобы работать садовником, или просто рабочим на заводе.

Но она по-прежнему продолжала любить его со всей силой той внезапной, налетевшей как смерч, восторженной любовью, но уже не как гения и Бога, а так как мать любит неудачливого, больного ребенка, или как идолопоклонница, крепко прижимающая к груди вдруг упавшего с полки идола.

Лишь в ее взгляде, восторг уступил место тревоге.

Когда они встретились, Дора работала медсестрой в больнице и жила с мужем, почти вдвое старше себя.

Она вышла замуж в 18 лет, влюбившись в преподавателя училища в котором училась.

С годами, юношеская влюбленность улетучилась и все их отношения ограничивались бытом.

Жизнь с мужем стала угнетать ее, у нее начались сильные головные боли, врачи и таблетки не помогали и тогда ей посоветовали обратиться к Аркадию.

Через какое то время, она развелась с мужем и переехала к Аркадию.

До отъезда они прожили вместе несколько лет, и лишь незадолго до его отъезда поженились.

Все годы до отъезда, она была его домработницей, секретаршей, горничной.

Во время его сеансов и встреч с важными людьми, вся ее роль ограничивалась лишь тем, что она приносила и уносила чай с робкой улыбкой, накрывала и убирала со стола, стараясь при этом быть как можно более незаметной, отвечала на телефонные звонки холодным, бесстрастным голосом и ублажала его в постели по ночам.

Но он был всегда рядом, и это было для нее высшим счастьем

Она ловила каждое его слово, каждый его взгляд и даже не смела думать о том, чтобы упрекнуть его в изменах. Почувствовав следы другой женщины на его лице или на теле, она лишь внутренне сжималась как от удара. При этом ее большие, темно-карие глаза становились еще больше.

Она поклонялась ему как Богу и видела в служении ему свое высшее предназначение.

Она стояла на этой Земле твердо, как коренастый, закаленный солнцем и тяжелым трудом крестьянин и работала с утра до ночи чтобы иметь возможность снимать хорошую по здешним меркам квартиру в самом центре Тель-Авива.

Аркадий нуждался теперь в ней как никогда раньше. Так во всяком случае ей казалось и так оно было на самом деле.

Она стала тем спасительным кругом, благодаря которому он не утонул.

А Дора была бы совершенно счастлива, если бы не депрессия мужа.

Ей все казалось, что она держит в руках упавшую звезду и пытается вдохнуть в нее жизнь, согрев собственным дыханием.

Она была готова на все, лишь бы снова любоваться его сиянием.

В конце концов, она сама организовала ему группу из своих клиентов- маклеров, уборщиц, официанток и прочего люда.

Он демонстрировал им то, чем когда-то очаровывал своих пациентов: пытался читать их мысли и рассказывать об их жизни.

Но это ему плохо удавалось, потому что его новые пациенты воспринимали все его попытки как дешевый трюк и сам Аркадий был в их глазах лишь старым клоуном, пытающимся заработать себе на жизнь поднадоевшими фокусами.

И он действительно был похож теперь на клоуна – одинокого и постаревшего.

Бенгальский огонь догорел и лишь верная жена по-прежнему видела в нем всемогущего Гуру.

К нему приходили несколько из его бывших членов секты.

Один из них был одним из первых, кого он в свое время приблизил к себе.

Тогда он боготворил своего учителя и ловил буквально каждое слово, слетавшее с его уст.

С тех пор прошло десять лет и теперь уже Аркадий искал поддержки у своего бывшего апостола.

За эти годы, апостол сильно изменился. Волосы на макушке сильно поредели. Некогда восторженный взгляд стал недоверчивым, губы вытянулись ниточкой в саркастическую ухмылку, мягкая ладонь с длинными, нервными пальцами огрубела.

Изменился и Аркадий. Некогда строгий взгляд его казавшихся стальными глаз, казался теперь растерянным и он напоминал человека, которого несет мощным горным потоком и он пытается ухватиться за что попало.

Подобно тому, как слабый и ранимый юноша открывал когда-то душу некогда полу-богу, так теперь и полу-бог пользуясь занятостью своей жены, стригшей кого то, он открывал своему бывшему почитателю самые сокровенные и наболевшие проблемы.

Но даже откровенничая, он не замечал что сильно переигрывает.

«Меньше всего я хотел быть гуру». «Да, я давно уже понял, что никому не помог. Скорее наоборот, принес колоссальный вред.

Бывшего почитателя раздражало самолюбование этого человека, умудрявшегося любоваться собой даже в нынешней ситуации. Сострадания к нему он не испытывал.

«Если ты Мессия, спаси самого себя» вдруг подумал бывший почитатель, но сдержался и не произнес этого в слух.

«Если бы кто-нибудь из пророков попал сегодня по ошибке в наш мир, он был бы безработным», пытался острить Аркадий.

Но Вы же не пророк- вдруг сказал гость.

Аркадий явно не ожидал этого выпада.

Он пытался что-то говорить про свой колоссальный опыт и интуицию, но молодой человек снова его перебил:

– Здесь ваши умения, он еле удержался, чтобы не сказать «трюки» имели бы определенный успех в цирке, но вы ведь в цирке работать не станете, равно как и на стройке, или на уборке- это ниже вашего достоинства.

«А здесь нужны не экстрасенсы и пророки, а парикмахеры, педикюристки, как Ваша жена например, сварщики, слесари. А если у вас этого нет, то станьте маклером, продавайте квартиры».

От такого пассажа, у Аркадия отвисла челюсть как от мощного боксерского удара. Он был совершенно растерян и только сейчас осознал, что его можно не только любить, но и презирать.

Он рассчитывал на сочувствие этого когда то восторженного юноши, но вместо сочувствия натолкнулся на стену холодного презрения.

В этот миг в комнату вбежала его жена.

Ее глаза беспокойно бегали.

Она переводила вопросительный взгляд с мужа на гостя, пытаясь оценить ситуацию.

Молодой человек поднялся и криво усмехнувшись, произнес: «Если ты спаситель, спаси самого себя» и направился к двери.

«Не сотвори себе кумира» тихо но внятно бросил ему вслед бывший Гуру.

Бывший апостол вышел вон не оборачиваясь, а жена тревожно заглянула мужу в глаза.

Он стоял перед ней такой же прекрасный как и тогда, двадцать лет назад, с густой темной бородой и умными, насмешливыми глазами цвета стали.

И хотя хозяином положения была теперь она, ее никогда не оставляло чувство тревоги, что даже находясь в полной зависимости от нее, он рано или поздно от нее ускользнет.

Так оно и произошло.

Все это время ему казалось, что если он вернется, то все можно будет начать сначала.

Его там помнят.

У него там связи.

И вообще, там все будет совершенно иначе.

Уверовав в собственные иллюзии, он однажды сбежал от нее обратно. Прошел год. Аркадий так и не вернулся к ней, Он живет по прежнему в России и даже что то пишет для какой то газеты. Иногда пишет или даже звонит ей. А она все ждет, когда он позовет ее к себе, или вернется к ней обратно.

В Рай

– Пойдем со мной! – Требовательно сказал он.

– Куда? Зачем?! – Испугалась она.

– Я сделаю тебя счастливой, – нетерпеливо сказал он. – Пойдем! – Он решительно взял ее за руку. Она попыталась высвободить свою руку, но он схватил ее мертвой хваткой. Он смотрел на нее горящими глазами и был полон решимости увести из этого Содома.

– Отпусти меня! – В отчаянии крикнула она, – Я не хочу!

– Не бойся! – Решительно сказал он, – Со мной тебе нечего бояться! Никто не посмеет нас остановить! – И он потащил ее к выходу.

– Пусти меня! – Орала проститутка, – Я никуда не хочу идти! Мне здесь хорошо!

Но он не слушал ее и тащил к выходу, в одной своей руке сжимая ее руку, а в другой, уже готовый к стрельбе пистолет.

Когда он распахнул дверь ее комнатки, на пороге возник огромный охранник заведения, услышавший крики девушки. Но освободитель был человеком решительным и тренированным. Ствол моментально ткнулся в шею охранника. Тот изменился в лице и стал трусливо пятиться назад.

– Палец с курка убери, – жалобно попросил амбал.

– Заткнись! – Прошипел освободитель – На колени!

Охранник послушно опустился на колени а ствол тем временем уперся в его бритую голову.

От страха охранник старался даже не дышать, чтобы случайно не спровоцировать психа на выстрел.

Ожидавший своей очереди клиент, при виде высокого, полного решимости вооруженного мужчины и верещающей полуголой девицы, вжался в продавленное кресло, на котором сидел, девчонки в ужасе поджали под себя ноги, а у сидевшей в центре комнаты за массивным столом жирной бандерши отвисла челюсть.

Сама полуголая жертва освобождения тоже была в шоке перестала визжать и уже совершенно послушно шла за своим освободителем.

Он решительно открыл входную дверь и держа перед собой ствол двинулся вперед, увлекая за собой девушку. Сидевшие в импровизированном кафе возле киоска охранники заведения, изображавшие весь день случайных посетителей, спохватились поздно. Встреть они его прямо у входа и у них был бы шанс остановить этого бешеного Ромео. Но сейчас они лишь выстроились перед ним в ряд и послушно подняли руки, когда он рывкнул на них, требуя поднять руки и наставив на них ствол. «Сукин сын!» – С досадой подумал главный из них. То ли случайно, то ли намеренно этот мужик оставил между ними как раз такое расстояние, когда они не могли его никак достать, а он бы уж точно не промахнулся. Коренастый бритый парень лет тридцати, главный среди четырех охранников держал руки на высоте чуть ниже плеч, ладонями вперед, как-будто говоря этим жестом нарушителю порядка: – «Успокойся, мы совершенно безобидны». У себя на лице он пытался изобразить добродушие, но колющий взгляд парня отслеживал каждое движение беспокойного клиента и в уме он просчитывал варианты, как задержать этого «козла» не поднимая лишнего шума.

Но шансов у парней было немного. Никто из охранников заведения не решился остановить неадекватного посетителя, уж слишком решительный был у него вид. Парни поняли это сразу- он готов был стрелять не раздумывая. Похититель девушки видимо все хорошо продумал, прежде чем явиться сюда с пистолетом. Двигался он легко, реакция у него была как у змеи и парни уже поняли, что если они попытаются его остановить, это дорого им обойдется. Когда

коренастый попытался было заговорить с похитителем, тот рывкнул на него: – «Заткнись! Одно слово – выстрелю в живот! Дернетесь- положу всех!»

Случайные прохожие, наблюдавшие эту сцену, оцепенели, а похититель стремительно увлек за собой девушку дальше, в сторону одного из многочисленных переулков старой автобусной станции.

Еще несколько мгновений и похититель скрылся бы со своей добычей. Но в последний момент девушка вдруг обхватила свободной рукой фонарный столб на тротуаре и заверещала: – «Отпусти меня! Я не хочу! Не хочу-у-у!»

– Глупая! – развернулся он к ней. Похититель смотрел на нее влюбленными глазами и голос его, еще несколько секунд назад такой грозный, был ласковым, как-будто он говорил с обожаемым капризным ребенком. – Я вытащу тебя из этого Ада! Я устрою для тебя настоящий рай! Я буду лелеять тебя как ребенка... У нас все будет... Мы будем жить как в раю! – горячо, как в лихорадке убеждал он ее.

– Не надо мне твоего рая! Я не хочу твоего рая! Ты сумасшедший! – С ней сделалась истерика и она отчаянно пыталась вырвать свою руку из его мертвой хватки.

С растекшейся косметикой и гримасой отчаянья на лице она была похожа на большую куклу.

В этот момент одна из полицейских машин загородила узкий вход в переулок, где собирався скрыться похититель, а две других блокировали его с другой стороны. В один момент похититель оказался заблокирован между домами и проезжей частью.

– Отпусти девушку и положи пистолет на землю, – сказал ему один из полицейских, – Ты же не хочешь, чтобы она пострадала.

– Она уйдет вместе со мной, – решительно сказал похититель.

– Ты отпустишь ее и сдашься. Это твой единственный шанс. Если ты начнешь стрелять, девушка может погибнуть. Ты ведь этого не хочешь, правда?

В эту секунду девушка впилась своему незванному освободителю в руку, едва не прокусив до кости. От боли и неожиданности похититель дико заорал и непроизвольно нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Ответными выстрелами похититель был ранен в ногу и в шею. Ранение в шею оказалось опасным, но не смертельным. А вот пуля попавшая в ногу повредила артерию и от этой раны он умер по дороге в больницу.

Похищенную девушку и ее товарок депортировали на Украину и в Молдавию. Бордель закрыли, но через несколько месяцев он снова открылся и продолжал свою деятельность как ни в чем ни бывало.

Девушку звали Маша. В Израиль она попала по туристической визе через одну из многочисленных сомнительных фирм. Она прекрасно знала, на что шла. После развода и смерти отца она никак не могла найти никакой работы. Пыталась торговать на рынке, как все, но не только ничего не заработала, а по уши залезла в долги. Везде, куда бы она ни приходила, ей тут же намекали на постель за возможность работать на тяжелой и копеечной работе. Мать тем временем стала часто болеть, а денег не было даже на самое необходимое. Она ожесточилась и сделала свой выбор. Так, в начале девяностых, она оказалась в Израиле.

– «Все из-за этого козла!» – С досадой думала Маша все время полета. – «И откуда он взялся на мою голову со своим Раем?! Кто его просил делать меня счастливой?! Ведь у меня все было спланировано: еще три-четыре года и я смогла бы купить квартиру, иметь собственный магазин, закончить институт, снова выйти замуж... А теперь все придется начинать сначала, из-за этого идиота!»

Ей не помогли ни слезы, ни многочисленные апелляции в суд, поданные через всевозможные организации. Единственным шансом остаться для нее было дать показания против своих «работодателей». Но на это не решилась ни одна из работавших в борделе девушек. Почти у всех были дети и родители на Родине.

Убитым был Гиль Амзалег – сорокасемилетний охранник супермаркета.

Все, кто знали Гиля не могли поверить, что он на такое способен. Гиль работал с тринадцати лет, помогая отцу на мясной фабрике. Его призыв в армию как раз совпал с Шестидневной войной. Во время войны Судного Дня, он воевал в составе элитной парашютной бригады. Из-за полученного ранения Гиль он не смог продолжать службу в элитном подразделении, был комиссован и вернулся на фабрику, где работал до призыва. Здесь он проработал двадцать пять лет, пока не начались проблемы со здоровьем. Женился он рано и у него было трое уже взрослых детей.

Когда он ушел с фабрики и за счет полученной компенсации выплатил ипотеку и многочисленные ссуды, жена в один прекрасный день выгнала его из дому. Он ушел в чем стоял. Полученная пенсия позволяла скромно существовать, а чтобы жить ни в чем себе не отказывая, он устроился охранником в супермаркет, где и работал до этого происшествия.

Несколько раз он знакомился с женщинами, пытался строить с ними семью, но из этих попыток ничего не вышло, лишь досада копилась. Женщины, с которыми он пытался связать свою судьбу, были немолодыми, практичными, битыми жизнью и были заняты собою и своими детьми, а на семью смотрели уже как на предприятие.

Короче говоря, у него не было ощущения ни дома, ни семейного тепла.

В какой-то момент Гиль решил, что ему будет лучше без семьи, а физиологические потребности он сможет удовлетворить у проституток. Так спокойнее – без обязательств и лишних потрясений. После всех жизненных дрызг ему хотелось теперь просто спокойной жизни.

И тут он встретил ее и вдруг почувствовал что уже не сможет без нее жить. Она была моложе его лет на двадцать, но это обстоятельство совершенно не смущало его. Ее насмешливая улыбка, взгляд голубых глаз, аромат ее пепельных волос сводили его с ума.

С тех пор, как он впервые появился в этом борделе, всю свою зарплату и половину пенсии он тратил на нее, вдобавок покупая ей дорогие подарки.

Она в ответ демонстрировала ему знаки особого расположения, была с ним страстной и сердечной.

Но главное, еще ни одна женщина не была с ним столь ласковой.

Он жил как в дурмане. Если думал, то только о ней. Если спал, она ему снилась. Гиль вспоминал аромат ее волос и нежную белую кожу. Раньше он никогда не мог представить себе что такая кожа может быть у кого-то еще кроме ангела.

Сутенеры цинично эксплуатировали его любовь продавая ему время с возлюбленной. Да и сама возлюбленная не проявляла особого желания оставаться с ним наедине больше отведенного сутенерами срока.

Гиль как в болоте увяз в долгах, но это его не останавливало. Он стал подобием наркомана, готовым за дозу на все, только вместо дозы у него была Маша.

Больше смерти он боялся потерять ее.

– «Я старше тебя на двадцать лет», – говорил он ей.

– «Ну и что?» – Отвечала она, – «Это даже хорошо. Ты нежный, а молодые, они как самцы – грубые и жестокие».

В борделе к нему привыкли. Когда у него не было денег, он подолгу сидел с ней, держа Машу за руку, пока ее не звал с собой очередной клиент. Товарки и персонал борделя почти в открытую смеялись над Гилем, просадившим все деньги на проститутку, а он в это время

страдал от ревности. Ему было невыносимо даже думать о том, что кто-то другой может прикасаться к ней.

– «Я вытащу тебя отсюда!» – как-то сказал он ей.

Она стала серьезной и отстранившись от него сказала: –«Мне нужна спокойная жизнь».

– «У тебя будет спокойная жизнь. У тебя будет та жизнь, которую ты захочешь!» – Горячо говорил Гиль.

В ответ она усмехнулась и ласково погладила его голову, но при этом глаза ее смотрели на него испытующе.

У нее были совсем другие планы. Она не любила Гиля и не любила его страну. Где-то глубоко-глубоко в душе, как иконку на груди она спрятала самое сокровенное, защищаясь от жестокого мира равнодушием и цинизмом. Мелкая хищница, ставшая жертвой хищников более крупных, но все равно отвоевывающая у жизни свой кусок благ не считаясь ни с чем и ни с кем.

Гиль всего этого не видел и не хотел видеть.

Они познакомились в конце февраля, а в середине марта город был взбужден серией дерзких ограблений. Грабитель в мотоциклетном шлеме заходил в отделение банка и подходя к стойке, где выдавали наличные, совал служащей банка записку и полиэтиленовый мешок. В записке было лишь несколько слов: –«У меня пистолет. Наличные- в мешок».

Камеры фиксировали мотоциклиста, но опознать личность преступника никто не мог.

Грабителем был Гиль. Когда банки были вкаты под усиленный контроль полицией и грабить их стало небезопасно, он переключился на ювелирные магазины и обменные пункты. Улов был разным, но постепенно у него скопилось довольно круглая сумма, которой вполне бы хватило на просторный дом и безбедное существование.

– «Я вытащу тебя из этого болота!» – Говорил он ей при встрече. В ответ она лишь усмехалась. Он думал, что она не верит ему и это только еще больше его раззадоривало.

Когда он наконец собрал нужное, по его мнению, количество денег, Гиль пришел за ней.

– «Пойдем со мной!» – Сказал он ей.

У него уже все было спланировано. Они улетят далеко отсюда и остаток жизни проведут вместе у океана. Она забудет о своем прошлом как о страшном сне. Они будут счастливы как Адам и Ева в Раю.

Он готовил для нее все это как свадебный подарок, готовясь обрушить на ее голову счастье, как водопад.

– «Куда? Зачем?!» – Всполошилась она, когда он сказал ей: «Пойдем со мной!» – и решительно сжал ее руку..

– «В рай», – Со счастливой улыбкой на лице ответил он.

– «Ты сумасшедший», – сказала она, все еще надеясь, что он пошутил.

Но он схватил ее за руку и потащил за собою в рай...

Потом, во время обыска, полицейские обнаружили у него на квартире целый шкаф, забитый ассигнациями и драгоценностями. Жил Гиль весьма скромно и шкаф с несметными сокровищами совершенно не вписывался в убогую обстановку его жилища.

Воспользоваться своими богатствами Гилю было уже не суждено.

Весельчак

С Серёгой мы познакомились во время учёбы в ульпане-на курсах иврита для иммигрантов.

Из всех нас Серёга был самый жизнерадостный, и было отчего: с такими связями как у его отца, уж кто-кто, а он-то точно устроится в новой жизни. Серёга, несмотря на свои сорок лет, тоже ни минуты в этом не сомневался и оттого был постоянно весел: шутил, смеялся, успевал любоваться красотами местной природы и везде успеть.

Так говорили у него за спиной многие.

Но насколько я успел узнать его за время нашей учебы, рассчитывал Серега не столько на связи отца, который снабдил его чуть ли не десятком рекомендательных и сопроводительных писем ко всяким важным особам и чуть ли не к самому премьер-министру, сколько на самого себя. Способный он был, в отца, и очень энергичный: в тридцать два года уже главный инженер на крупном заводе...

Коренной москвич, родившийся, что называется, с золотой ложкой во рту: отец-академик, мать-профессор в МГУ, он мог бы после института остаться в Москве и пойти по стопам отца. Но он сам выбрал для себя эту работу, хотя во время учебы в течении трех лет получал ленинскую стипендию и вовсе не благодаря родителям.

И армию отслужил как мужик – в разведбате десантно-штурмовой бригады, потом только пошел учиться. В память об армии у него остались протезы вместо передних зубов: когда запрыгиваешь в самолет, то твои зубы нередко становятся жертвой приклада твоего же автомата.

В общем, не маменькин сынок был Серега, хоть и бывший москвич.

Конечно любил он, особенно после первой бутылки, поговорить о своих достижениях, но при этом не было в нем ни капли снобизма: если кому что нужно, Серега безотказен был: настроить телевизор, починить что из электроприборов или электронники, разобрать замок-не было ничего такого, в чем бы он не разобрался.

Мы любили его именно за эту доброту и веселость, хотя были и такие, кто завидовали Сереге: вот же, везде ему медом намазано! И здесь, и там!

Но вслух этого никто не произносил-он ведь половине нашего ульпана вещи на своей машине перевозил и ручную по лестнице поднимал и по первому зову приезжал если вдруг нелады с электричеством или электроникой...

Подтверждение своим дипломам в высоких инстанциях Серега получил одним из первых и сразу же начал ездить по всей стране в поисках работы, соответствующей его образованию и опыту.

Может, одевался он как-то не так – костюм, галстук и лакированные туфли выглядели, мягко говоря, непривычно в глазах уроженцев страны, довольствовавшихся шлёпанцами на босу ногу, застиранными майками и дедовскими трусами вместо шорт. А может, всё дело было в слабом знании языка, хотя учил он иврит весьма усердно, часами... Может, ещё в чём... Но как-бы то ни было, ни всевозможные рекомендации, ни связи отца, академика, обласканного сначала прежней властью, а потом и новой, ни даже личное обаяние самого Серёги не помогли: работы инженера, несмотря на все свои старания, Серёга не нашёл, хоть и устроился, по нашим олимовским меркам, так, как дай Бог каждому: в ремонтные мастерские Эгеда.

Работать в такой фирме как Эгед, крупнейшем транспортном кооперативе страны, пускай даже подсобным рабочим, это значит иметь все социальные условия, высокую зарплату, дорогие подарки к праздникам – словом, всё то, о чём обычный оле хадаш даже во сне не мечтает.

Казалось бы, живи да радуйся. А Серёга вместо этого помрачнел, начал ворчать и ворчал всё больше и больше.

– Как они здесь работают?! – возмущался он, – элементарных вещей не знают! А если им сказать, злятся, вместо того, чтобы поблагодарить или хотя бы прислушаться.

В Союзе Серёга был заслуженным изобретателем и по старой привычке на своей новой работе тоже всё старался изобрести что-то новое и постоянно делился с начальством своими идеями. Может, он таким образом хотел заслужить признание начальства и продвинуться по службе, а может, просто привык всё доводить до ума, но только результат для Серёги оказался прямо противоположным: начальство пригрозило ему, что если он не заткнётся, то его уволят. К тому же, ещё не то в шутку, не то всерьёз мастер цеха вообще запретил ему в течение трёх дней открывать на работе рот, если он не хочет схлопотать крупный штраф или вовсе вылететь с работы.

После этой истории Серёга замкнулся и от прежней его веселости не осталось и следа. А ещё где-то через месяц он таки вылетел со своей работы, избив какого-то марокканца.

Марокканец был здоровый и на голову выше Серёги. Но откуда ему было знать, что у Серёги чуть ли не чёрный пояс по карате? Не подозревая о грозящей ему опасности, марокканец стал постоянно дразнить Сёрегу: «Русия, Хорбашо» (Сочетание из двух слов: горбачев и хорошо. Уроженцы страны считали это свое словоизобретение чуть ли не гениальным и любили часто его повторять). Серёга старался не обращать внимания на наглеца, но это давалось ему с трудом. Он всё больше и больше становился похожим на сильного и опасного пса, из тех, что долго молчат, не лают и даже не рычат, а потом сразу рвут жертву на куски.

В столовой Серёга сидел всегда мрачный и смотрел либо в тарелку, либо куда-то в никуда. Коллегам по работе его вид и поведение казались забавными, а марокканец всё подливал масла в огонь: в столовой на обеде постоянно спрашивал, усаживаясь возле него и указывая то на хлеб, то на упаковку сметаны или ещё что-нибудь из того, что было на столе:

– А это в России было?

Однажды Серёге надоело, и он двинул марокканцу по шее, да так, что тот перевернулся вместе со стулом. Обиженный марокканец рыпнулся было снова на Серёгу, но тот наподдал ему ногой так, что марокканец на этот раз пролетел метра три и распластался на грязном полу. Серёгу уволили, да ещё и дело в полиции открыли.

Месяца два он ходил без работы, а потом устроился к какому-то подрядчику стричь траву. Руки у Серёги золотые были, но только что-то с ним произошло странное: начал он как бы в себя уходить, причём прямо во время работы – ему говоришь, а он тебя не слышит. Раза три-четыре крикнуть нужно было, чтобы вывести его из этого оцепенения. Ну, кому такой работник нужен?..

После стрижки травы работал он на строительстве, поначалу с тем же результатом, но потом к нему всё же нашли подход: поручили вёдра с раствором таскать. Работу эту он делал как на автопилоте, как заведённый с утра до самого вечера. Хотя, если его разговорить, то вроде бы совершенно адекватный человек.

– Все еще у нас образуется! -пытался я подбодрить приятеля, хотя сам мало верил или вернее, совсем уже не верил в свои слова. Просто я не знал как подбодрить его.

– Образуется, – вдруг отреагировал Серега, – Лет через двадцать-двадцать пять... Когда мы все выйдем на этих работах.

При этом он смотрел мне прямо в глаза своим проницательным взглядом. Я навсегда запомнил этот взгляд его темно-карих глаз.

А тогда, мне стало не по себе. Мы ведь уже все прекрасно понимали, что другого для нас не будет, хоть рыпались и рисовали для себя радужные перспективы или придумывали малодушные оправдания, мол, не нам, так нашим детям будет лучше.

А Серега сказал вслух то, что многие из нас понимали, но еще боялись себе в этом признать.

– Чего ты домой не возвращаешься? – Как-то, в другой раз, спросил я Серёгу.

– Домой? – горько усмехнулся Серёга. – Вот и дочка всё время плачет: «Хочу домой». А дома-то и нет...

– Но как же... У тебя же там отец при высоких должностях, друзья, связи какие-то остались.

Он посмотрел на меня и ничего не сказал. Но я его хорошо понял. Разумеется, если он вернётся, то примут его там как родного – «как», но не более того. Если уехал из дому, то обратно можно вернуться только погостить, хотя кому как... Но Серега именно из тех, кому возвращаться некуда. Докурив, мы разошлись. Это был наш последний разговор.

Недели через две Серёга упал с высокого этажа строящегося здания, где работал, и разбился насмерть. Арабы, работавшие с ним, говорили, что ему вдруг стало плохо с сердцем.

Тёмная история: он ведь хорошим спортсменом был в прошлом и никогда не жаловался на сердце.

Вдова его спустя несколько лет сошлась с кем-то из местных – хозяйчиком нескольких магазинов в городе. Поначалу она работала у него на кассе, ну а потом, как часто бывает. Они до сих пор живут и работают вместе.

Дочь Серёги давно выросла, закончила колледж и работает воспитательницей в детском саду. Она вышла замуж за кого-то из уроженцев страны, парня хваткого и очень амбициозного. Её муж работает в банке, хорошо продвигается по службе и имеет неплохую зарплату. У них трое детей. Супруги и дети говорят между собой только на иврите. По этой причине и бабушка, вдова Серёги, вынуждена разговаривать со своими внуками тоже только на иврите. У неё смешной акцент, но внуки её понимают.

Веселый и Невеселый

Они столкнулись нос к носу в больничном коридоре: оба на костылях, но один – жизнерадостный, веселый и шел на своих костылях так, как-будто собирался взлететь и они были последним досадным препятствием, мешающим ему это сделать.

Другой наоборот, был необычайно мрачен, лицо серое и как-будто опухшее, глаза красные от боли и бессонных ночей. Шел он преодолевая боль, тяжело опираясь на свои костыли.

Веселый увидев Невеселого, обрадовался встрече- счастье переполняло его и ему нужно было постоянно с кем-то делиться своей радостью, дабы не захлебнуться в ней.

Невеселый же наоборот, говорить был совершенно не расположен и только бросил недовольный взгляд на Веселого.

Но Веселому похоже было все равно и он бесцеремонно остановил Невеселого:

– Привет! -радостно крикнул Веселый. Он был выше Невеселого. Возвышаясь над Невеселым, Веселый с довольным видом ждал удивления со стороны собеседника в виде возгласа или хотя бы удивленного выражения глаз. Но Невеселый смотрел на Веселого не скрывая неприязни и нетерпения.

– Что тебе от меня нужно?! -как-будто говорил взгляд Невеселого.

– Ты меня не узнаешь? -самодовольно спросил Веселый.

– Узнаю. И что? -зло поинтересовался Невеселый.

– Еще немного и это мне не понадобится! -радостно сообщил Веселый указывая на костыли.

– Я рад за тебя, -бросил Невеселый.

Но Веселый, не обращая внимания на настроение Невеселого, продолжал: -Ты помнишь как мы сюда летели? Как меня на носилках из самолета вынесли?

А теперь я хожу на своих ногах, пусть и с костылями! А скоро я буду бегать и прыгать-так говорят врачи и я им верю! Эта Земля и правда Святая! Меня здесь на ноги поставили! Скоро я смогу работать, правда по чуть-чуть, но с моим пособием по инвалидности, мне хватит.

Какая страна, какие люди! Не успели мы прилететь, нам тут же социальное жилье предоставили. Квартиру там – у себя, мы пока продавать не будем- сдаем в аренду. тоже какие-никакие деньги. Ты же знаешь, нашему брату-олиму деньги нужны.

Мы счастливы, совершенно счастливы в этой стране чудес!

Дети каждый день говорят мне- папа, ты эту землю должен по пять раз в день стоя на коленях целовать. И я готов это делать!

При этих словах он с вызовом посмотрел на собеседника и даже костыль выставил чуть вперед, будто выражая тем самым свою готовность защищать Святую Землю.

– Ну и целуй себе, хоть сто раз на день, хоть двести! От меня тебе чего надо?! -Не выдержал Невеселый.

– Ты чего такой злой? -опешил Веселый.

– Чего?! -Невеселый рассердился не на шутку. У него даже вены вздулись на шее и на лбу. – А вот чего!!! – и он приподнял свой костыль.

– На ноги тебя, говоришь, подняли?! А я своих ног здесь лишился, работая на стройке! Теперь вообще работать не могу!

Квартиру сдаете на Украине? А я ипотеку плачу и у меня тоже дети есть! Из чего я теперь ипотеку платить буду?! Моя жена в супермаркете сидит по две смены, чтобы мы на улице не оказались!

Страна чудес?! Вот уж точно! Мы приехали сюда молодыми, здоровыми, полными сил и желания работать. А теперь-мы оба инвалиды. За что?! – заорал Невеселый так, что сбежалось все отделение.

– Тебя вылечат... – пролепетал Веселый, –здесь такая медицина...

– Тебя может и вылечат, а меня-нет. Профессор так мне и сказал: первая операция-от силы шестьдесят процентов успеха. Вторая-сорок. Третья- всего двадцать. Операция сложная- после любой из них я могу вообще никогда с больничной койки не подняться. А повторные операции – неизбежны.

Жене повезло больше-у нее перелома нет, только диски выпали, сразу три, когда она мебель перетаскивала на уборке вилл в богатом районе. А может, когда стариков на себе в богосдельне таскала. Поэтому теперь в супере на кассе сидит.

Врачи ее успокоили: с вашим заболеванием можно хоть до ста двадцати лет жить и работать тоже.

Вот так и живем теперь... -немного успокоился Невеселый.

– Неужели ничего нельзя сделать- ведь медицина здесь всесильна, – изобразил на своем лице сожаление Веселый.

– Врачи рекомендуют ходить в бассейн, побольше плавать, – презрительно усмехнулся Невеселый.

– А что ж вы так, у тебя же жена вроде юридическую Академию в Союзе заканчивала.

– Да и у меня не семь классов образование, -усмехнулся Невеселый.-Говорят, дипломы у нас не те. Да нам самим первое время было не до того, чтобы переучиваться и экзамены сдавать. Детей поднимать нужно было.

Если бы не они, не знаю, где бы мы сейчас были.

– Они у тебя в армии?

– Закончили они у меня с армией, -зло сказал Невеселый, – поначалу днем служили, а вечером с базы отпрашивались, чтобы в ресторане работать.

Начальство сначала отпускало их, а потом на принцип пошло: армия, мол, государство, превыше всего.

Ну а дети у меня тоже не робкого десятка. Невеселый гордо расправил плечи:– Ты, что-ли за меня и моих родителей долги платить будешь?! -наехал сын на своего командира.

Пока они с братом в армии служили, нас тут адвокаты и судебные приставы со всех сторон обложили...

Святая Земля, говоришь? Дети наши под камнями арабов ходят, а нам свет за неуплату в доме отключают. Вот тебе и вся святость.

Бросили они армию, сейчас работают оба...

Веселый уже и сам не знал, как бы закончить этот неприятный для него разговор и мысленно искал повод.

Но Невеселый выговорившись и сам закончил свой монолог довольно грубо: -А за тебя я рад, – сказал он оглядев Веселого с ног до головы.-Извини, некогда мне.

Веселый протянул ему было руку, но Невеселый, то ли не заметив, то ли сделав вид, что не замечает протянутой ему руки, пошел дальше по коридору, тяжело опираясь на костыли.

Любопытные, собравшиеся на крики в коридоре, проводив Невеселого недоверчивыми взглядами, стали расходиться.

Враги

С тех пор, как Илья получил от Светы последнее письмо, прошло уже дней десять, а он всё держал его то в кармане рубашки, то в сумке, то в руках, но так до сих пор и не ответил.

Вот и сейчас он ехал в автобусе на работу и всю дорогу держал в руках её письмо, но не читал, а пребывал в оцепенении, глубоко погружённый в свои мысли.

Сказать в письме хотелось о многом. Можно, конечно, написать о жаре, о тяжёлой работе, об одиночестве, о депрессии... Или наоборот, бодро написать о том, что всё хорошо, что нужно только потерпеть и всё образуется. Но и то, и другое будет ложью, скрывающей главное: всё оказалось совсем не так, как он думал перед отъездом, и вернуться за ней он не может – не потому, что разлюбил, а просто потому, что его никогда отсюда не выпустят. Раньше людей держали в неволе посредством решёток, охраны, колючей проволоки, а теперь вот долговое рабство, и даже если у тебя на руках паспорт, то с ним тебя никуда не выпустят; не выпустят, да ещё будут считать неблагодарным.

– Она вон там мается на свою нищенскую зарплату, голодная ходит на работу, а ты оказался в стране, где собаки едят лучше, чем оставшиеся у тебя на родине близкие тебе люди, – так недавно сказал ему сосед-старожил, имевший очень престижную и хорошо оплачиваемую работу.

Илья сдержался, потому что сосед этот не так давно перенёс инфаркт, уже не первый, но перестал здороваться, не только с ним, но и вообще с соседями. Их сытые рожи начали раздражать его.

При нынешнем раскладе собрать деньги было почти невозможно – львиная доля зарплаты уходила на оплату квартиры, еду и счета. Работал Илья много, но зарплаты всё равно не хватало, а других доходов не было. Теперь он с горечью вспоминал о том, как мечтал зарабатывать денег, чтобы выкупить для них квартиру у своего упряя-родственничка, прихватизировавшего оставшиеся от стариков две комнаты в коммуналке.

Этому кровососу, всю жизнь промышлявшему левым товаром, было бы самое место здесь – среди таких же, как он, как его нынешний хозяин и та семейка, у которой он арендует квартиру, как все эти частные бюро по трудоустройству и маклерские конторы, наживающиеся на Илье и на таких, как он. Но родственничек сюда не хотел никакими судьбами.

– Что ж, я последний дурак, что ли?! – возмущался он, если его спрашивали о том, не собирается ли он к своим единоверцам. – Мне и здесь неплохо.

Иногда Илья начинал думать, что вот такие, как его родственничек, специально для того и испоганили их со Светой жизнь и миллионов таких, как они, чтобы теперь он, Илья, работал на них не поднимая головы и платил за съёмную квартиру каким-нибудь упряям. Можно, конечно, на всё плюнуть и вернуться... Ни с чем – у него ведь ничего нет.

Пока он здесь умирал на солнце, цены на жильё там подскочили раза в два, а то и в три. Он упрямо пытался всё время что-то отложить, но разве спасут его эти несчастные пять или даже десять тысяч?..

За всё нужно платить. За всё, кроме воздуха, пока. И никого не интересует, где ты возмёшь деньги. В жизни нужно уметь устраиваться: выгодно купить и вовремя продать, найти работу по-чёрному, чтобы пособие не потерять, и деньги заработать и отложить, или, ещё лучше, воровать, или быть предприимчивым и открыть свою маклерскую контору. А такие, как он, умеют только работать, и поэтому, они лохи, обворованные рабы у предприимчивых, умеющих воровать и обманывать, купить за шекель и продать в четыре раза дороже.

Как ей объяснить, что он попал в рабство, став жертвой бессовестных прохиндеев?..

Письма здесь писались тяжело. То ли небо давило, то ли жизнь была совсем другая. Илья никак не мог найти подходящих слов... Он представил, как она одна возвращается по пустынь-

ным тёмным улочкам после работы, совершенно одна. На обед покупает себе несколько пирожков или что-нибудь с творогом. Она ждёт его... Илья чуть не заплакал, но, собрав всю волю в кулак, сдержался.

– Не дождетесь! – со злостью подумал он.

Отчаяние превращалось в ненависть. Нужно было приехать сюда, в эту отсталую, провинциальную страну, чванливую, злобную и убогую, чтобы понять, кто твой враг.

– За что вы украли у нас страну, будущее? За что разрушили нашу жизнь, за что так ненавидите нас?!

Кому они мешали, кому мешало их счастье?! Разве они так много занимали места в этой жизни? Разве так много от неё хотели?

Они всего-то и хотели жить, работать и быть счастливыми. Но им, этим ненасытным упырям, показалось, что это слишком много. И они отняли у них со Светой даже это.

Ему никогда не заработать на собственный угол для них, никогда не освободиться из рабства у этих упырей, которые по любому поводу презрительно бросают: «А что, там тебе было бы лучше?»

– Тебя ведь никто не заставлял сюда ехать, – с гадливой улыбочкой говорили ему бальзаковского возраста жирные бабы с густо приправленными косметикой рожами, почувствовавшие себя начальницами, – и никто здесь не держит. Езжай обратно.

Его бы здесь и не было, если бы он мог жить у себя дома.

Как они радовались, когда поступали в университет, какие планы были, мечты, как они старались, как были счастливы, гуляя по залитым солнцем улицам после экзаменов или целуясь вечером в парке под шум осеннего ветра и листопада. Кому всё это мешало?!

Они ведь никому не делали зла, просто любили друг друга и хотели жить. Всего несколько месяцев назад было окончание университета, а сегодня уже совсем другая жизнь, убогая, чужая, с вечной войной, которую выдают здесь за романтику и почти неприкрытым рабством.

– Чем же вам наша любовь помешала, уроды? – скрипел зубами Илья, сжимая кулаки.

– Я бы вам всё простил: свою боль, унижение, эту тюрьму среди пустыни, где некуда идти. Но её я вам не прошу! – думал он.

Он скрипел зубами и пока молчал. Потому что если им сказать в лицо всё, что он думает, они наверняка поднимут визг, но от этого ничего не изменится. Какой толк объяснять им, что это ведь не он у них украл, а они у него?!

Им не понять, зачем ему нужна эта гойка.

– Мало мы от них натерпелись, а теперь ты собираешься её сюда привезти?! – возмущался его сосед. – Найди себе хорошую еврейскую девочку, которая будет тебя понимать.

Он ничего никому не стал объяснять. Просто перестал разговаривать и даже здороваться с такими, как этот Михай.

Тоже и на работе, где были одни арабы из Газы. Они тоже ненавидели его, и он никак не мог понять, за что. Такие же несчастные как он. Вряд ли большинству из них светит в жизни что-то другое, кроме тяжёлой работы, пока они могут работать.

Может, бояться, что он отнимет у них кусок? Или это просто инстинктивная ненависть к чужакам?

Дистанцию с арабами держать было непросто. Они не оставляли попыток задеть его. Больше всего их интересовал вопрос, с кем он живёт, есть ли у него жена или хотя бы подруга.

Особенно «доставал» его молодой крепкий араб с раскосыми глазами. Завидев Илью, он каждый раз орал ему: «РУсия!» (Россия) Илья старался сохранить спокойствие, но злость, как пыль, стремительно накапливалась в нём, и в любой день могла вспыхнуть.

Если его о чём-нибудь спрашивали, он отвечал односложно или просто молчал. Арабы постарше, внешне доброжелательные, старались задеть его, каждый раз начиная одну и ту же тему – о женщинах. Те, что помоложе, молчали и злобно ухмылялись.

Что-то должно было произойти – слишком много всего накопилось и у него на душе и вокруг. Илья только не знал, когда.

И вот в один из дней, как всегда во время перерыва, отказавшись от приглашения арабов сесть с ними обедать, Илья сидел метрах в десяти от них и снова держал в руках её письмо и фотографию.

Араб, всё время кричавший ему «Россия!», появился неожиданно.

– Это твоя девушка? – спросил он, сверкая глазами. – Дай посмотреть! – и протянул к Илье руку. Илья вскочил. Араб изготовился, а Илья торопливо спрятал письмо и фотографию Светы в нагрудный карман. Араб резко протянул руку навстречу к Илье, но тот отработанным движением увернулся от протянутой руки, как от удара, и со всей силы нанёс удар сбоку, услышав, как хрустнул нос парня.

Араб, вскрикнув, отлетел, а Илья, давно уже готовый к такому развитию событий, схватился за лопату. Обычная лопата в руках Ильи в миг превратилась в грозное оружие. Ему было достаточно сделать одно движение, чтобы голова поверженного врага отделилась от тела. Но ненависть уже сменила жалость к поверженному, беспомощному врагу. Остальные арабы застыли, как вкопанные. Видимо, было что-то такое в лице Ильи и во всём его теле, что не оставляло сомнений – этот человек готов на всё.

На шум примчался прораб, а за ним подъехал и хозяин.

– В чём дело? – барственно спросил хозяин.

Илья промолчал и, не выпуская лопату, пошёл работать.

Арабы жаловаться не стали, и с того дня уже никто не заговаривал с ним, но постоянно злобно косились.

– Ты настоящий еврей! – сказал ему потом хозяин. – Я сам рос среди них в Ираке. С ними иначе нельзя.

Илья, как всегда, ничего не ответил.

Однажды арабы надолго застряли с куском породы – это была целая скала, которую они пытались расколоть кирками. Илья тоже взял кирку и, подойдя к породе, размахнулся и со всей силы ударил в самый центр. Кусок скалы рассыпался на куски с первого удара.

После этого на него перестали злобно коситься, но он оставался всё таким же одиноким, особенно возвращаясь пешком после работы по уже знакомой дороге, мимо сотен и тысяч арабов, ждавших автобусов, чтобы вернуться к себе домой.

Он шёл среди чужих людей неприветливой страны, но теперь уже представлял себе, что это дорога к дому, к Свете, и что он её обязательно пройдёт, как бы ни устал

Грёзы старого еврея

Менахем – старый еврей из Ирака. Когда он приехал в Израиль, ему было 26 лет. Теперь ему 75. Из-за маленького роста и худобы, издали его можно принять за подростка. Пока Менахем был молод, он работал на стройке. Теперь, когда здоровья почти не осталось, он работает ночным сторожем, а днем, заботится о своей престарелой маме- покупает для нее продукты, готовит ей еду, убирает квартиру, помогает выходить на прогулку. Кроме престарелой матери, у Менахема есть жена и четверо взрослых детей, у которых есть уже свои, взрослые дети. Жизнь одной из двух дочерей Менахема не сложилась. Она живет одна с двумя детьми и Менахем помогает ей как может.

Из-за дочери, старик сильно переживает и это пожалуй главная причина, по которой он до сих пор работает.

Его положение на работе весьма неустойчивое. Он боится, что его уволят и поэтому соглашается работать по ночам, почти без выходных и терпит насмешки со стороны начальства.

Как-то раз например, инспектор, совсем еще молодой парень, развлекался с приятелями и коллегами тем, что устроил старику экзамен на профпригодность, заставляя его в течении получаса на время доставать пистолет из кобуры. Менахем не успевал уложиться в установленное время и инспектор снова и снова заставлял старика выполнять упражнение, а в конце сурово предупредил, что если тот хочет остаться на работе, то должен как следует потренироваться. Скучающим юнцам из северного Тель Авива- так называемым «северным», что подразумевает местный бомонт, было весело. Менахем тогда лишь напомнил инспектору о своем возрасте. Впрочем, одними насмешками и придирадками дело не ограничивалось. Так например, в выдаваемой ему зарплате регулярно не хватало 40, 50, а иногда и больше шекелей. Ошибка, спокойно объясняли ему в бухгалтерии компании, но деньги возвращать не торопились. Меня поразила реакция этого пожилого человека на, как принято теперь выражаться «крысятничество» работодателей. Он не возмущался, не ругал своих работодателей. Вместо этого он пустился в глубокомысленные рассуждения о том, что Храмов возможно было не только два, а гораздо больше. Может быть 10, или даже 20, задумчиво говорил старик. И все они пали от нечестности и ненависти людей друг к другу. В то время мы учились до поздна, просиживая за компьютерами иногда и за полночь и выходя из лаборатории, я случайно услышал этот задумчивый монолог. Рассуждения этого с виду простого человека, произвели на меня сильное впечатление. Разговорившись с ним, я узнал его историю, помимо всего и о том, что он был солдатом еще в иракской армии, а здесь в Израиле прошел все войны вплоть до Войны Судного Дня. С тех пор, мы время от времени беседовали с Менахемом.

Он почти никогда не жаловался. Вместо этого, он любил вспоминать дни своего детства и юности проведенные в Багдаде среди родителей, многочисленных братьев, сестер и близких друзей, которых был целый двор. Он часто рассказывал о том, как ему нравилось учиться в школе, но из-за того, что отец его рано ушел из жизни, ему не довелось закончить школу и он начал работать будучи еще подростком, чтобы помочь матери и своим младшим братьям и сестрам.

Жизнь никогда не баловала Менахема, но свою бывшую Родину, затерявшуюся во времени, он всегда вспоминал с каким то особым благоговением.

Израиль же так и не стал для Шауля домом, хотя он часто с гордостью говорил о своем «доме». Так он называл свою квартиру в старом доме в Южном Тель-Авиве. Дом был, а чувство дома так и не пришло к нему.

По ночам, он часто слушал радио на арабском языке и не раз проходя мимо него я замечал, что он не то говорит, не то страстно спорит с кем-то невидимым.

Как-то я не удержался и спросил его, с кем он говорит по ночам. мне, что говорит «С Богом» – спокойно ответил мне он так, как будто речь шла о беседе с соседом по дому. Старик внимательно посмотрел на меня и заметив мое удивление, с улыбкой сказал: «Я вижу его как сейчас тебя и так, каждую ночь». «Это правда», продолжал Менахем будто испугавшись, что я ему не поверю, «как жив Господь!» – воскликнул он, «Скоро наступит мир и тогда я смогу вернуться в Багдад, в наш двор и наконец увижу всех своих друзей. Наконец-то я смогу с ними встретиться! Как жив Господь», продолжал старик, «Это будет и очень скоро, вот увидишь», с жаром говорил старик и его глаза сияли от счастья в предвкушении скорой встречи.

А я смотрел в его всегда печальные глаза сейчас преображенные счастьем и начинал сам верить, что все именно так и будет.

Здесь слишком жарко!

– Здесь жарко! Слишком жарко! – Всё время повторял Слава. – Можно привыкнуть, приспособиться, смириться... Но полюбить – нельзя!.. Здесь всё слишком чужое, и никогда оно не станет для нас родным. Жизнь проходит тут бесцельно. У меня такое чувство, как будто я и не жил все эти годы... Вот вроде бы и в армии здесь побывал, и много чего повидал... А жизни нет, нечего вспомнить! Работа – счета, работа – счета, работа – счета! И всё время эта бессмысленная война! Снаружи и внутри! Ты не живёшь, а выживаешь. Если сейчас войны нет, то потом она всё равно обязательно будет. Там ты враг, а здесь ты чужой. Одна радость, что все евреи. Но что мне радости от того, что тут все евреи?! – Разгорячённый вином и эмоциями, Слава изливал нам свою душу. Мы все слушали его молча, не перебивая и никто из нас его не осуждал: хочешь уехать – уезжай. Мы ведь живём в свободной стране. Ты не первый и не последний.

Слава отличался от других уезжающих разве что тем, что уезжал, вернее улетал, громко, лишком громко, будто чего-то стыдясь и всё время оправдываясь, не то перед нами, не то перед самим собой.

Все остальные уезжали тихо и если говорили об отъезде, то крайне скупой: подали документы в канадское посольство, прошли интервью, ждём разрешения на въезд в страну, взяли билеты...

Сейчас то время, когда мы были единым целым, кажется мне таким же далёким, как и эпоха Древней Греции. А ведь прошло всего каких-нибудь семнадцать лет... Для жизни человечества это доли секунды, но для отдельно взятого человека – целая эпоха, время за которое успевает родиться и вырасти новое поколение, уже мало похожее на своих предшественников. Другая жизнь...

По прошествии этих семнадцати лет из прежних друзей уже почти никого и не осталось. А ведь поначалу все были «мы». Это потом наша дружная компания разделилась на своих и чужих, на удачников и неудачников, а чуть позже ещё на уехавших и оставшихся.

Первым отделился Стас – самый тихий и незаметный в нашей компании. Он не пропускал ни одной из наших посиделок и был единственным, кто всегда оставался трезвым. Говорил он редко, всегда оставался серьёзным, и это было причиной многочисленных насмешек над ним. Учился Стас прилежно и так же, как и все мы, работал в свободное от учёбы время везде, где придётся. В армию он ушёл уже после окончания университета и, отслужив срочную службу, подписал контракт и остался в армии. Сейчас он был уже подполковником. Стас хорошо вписался в новую жизнь, наслаждался семейным счастьем и воспитывал троих детей. Я не помню, когда он перестал приходить на наши попойки и посиделки. Время от времени мы вспоминали его, но ему было уже, по-видимому, не до нас.

Игорь стал полицейским, не найдя работы после армии, а Миша, последовав его примеру, служит в качестве офицера тюремной охраны. С ними мы тоже давно потеряли связь, хотя несколько раз при встрече разговаривали с каждым, как старые приятели. Но на том наше общение и закончилось.

Первыми уехали Феликс и Фаина. Встретились они в нашей компании и поженились, когда были ещё студентами. Фаина, тихая, скромная девушка, была старательной студенткой, но звёзд с неба не хватало. А Феликс, наоборот, сорвиголова и вундеркинд, аидише копф, как с гордостью говорила о нём его мать. Диплом магистра он защитил через два года после того, как получил первую академическую степень, а вскоре после защиты докторской они с Фаиной уехали в Штаты по контракту. Все предположения друзей и родных о том, что они останутся в Америке навсегда, Феликс категорически отвергал: они любят Израиль и жить без него не смогут. Вот поработают немного в Америке – и вернутся обратно уже навсегда. Но годы шли, а Феликс с Фаиной не приезжали даже в гости, навестить родителей и друзей.

– Нет времени, – сетовал Феликс по телефону. – Работы навалом...

Между тем они купили в Калифорнии дом, потом поменяли его на другой, более просторный. В Америке у них родились дети, которых они определили сначала в детский сад при еврейской общине, а потом в частную школу при той же общине. Сам Феликс стал набожным, правда, не настолько, чтобы целиком посвятить себя изучению священных книг. Но ему нравилось ходить в синагогу и соблюдать шабат.

Эдик и Элла, напротив, особых симпатий к здешней жизни никогда не испытывали и свой путь в Канаду пробивали с самого начала упорно, как тоннель в скале. С учёбой у них не получилось. Эдик бросил университет, проучившись полтора года. Элла проучилась на год больше и оставила учёбу, когда родился их первенец.

Эдику учёба в университете по большому счёту и не нужна была. Впоследствии он всегда презрительно отзывался об университетских профессорах, которые только и умеют, что «учить таких же, как сами, да бастовать». Сам Эдик был мастер на все руки. У него был особый талант к любой работе. Всё, за что бы он ни брался, получалось у него лучше, чем у кого-то другого, делавшего ту же работу. Эдик работал сварщиком, поваром, на строительстве и кем только он ни был... Но его страшно раздражала маленькая, по сравнению с другими, более благополучными странами, зарплата и высокие налоги.

Оба в конце концов закончили курсы программистов, быстро нашли себе работу в крупной фирме и, набрав стаж довольно легко и быстро, перебрались в Канаду. Время от времени мы общаемся с ними по скайпу. Во время этих сеансов связи, более сентиментальная Элла говорит о своей ностальгии по Израилю, жалуется, что забывает иврит, и рассказывает, что учит языку земли обетованной своих детей – чтобы окончательно не забыть самой. Видимо, ей это удаётся – через скайп её дети даже как-то пели нам песни на иврите.

Не сложилась жизнь в Израиле и у Игоря, хотя на призывном пункте он сам попросился в боевые части. Служил Игорь в одном из самых элитных подразделений, побывал и в Ливане, и в Газе, и вообще где он только ни был... За время службы он был дважды ранен, правда, оба раза легко, и дослужился до офицера. Ему предложили остаться в армии, но назначение его не устроило – армейские чиновники хотели, чтобы он остался в Ливане, сулили золотые горы и быстрый карьерный рост. Среди прочего ему обещали в качестве нового места службы генштаб. Но как только он подписал контракт, его отправили обратно в Ливан на ту же должность. Игоря потряс не столько цинизм и лицемерие армейских чиновников, сколько крушение его собственных представлений о жизни. Раньше он чувствовал себя частью этой жизни, важной, значимой. А тут ему без обиняков дали понять, что он чёрная кость и белой никогда не станет. С тех пор у него пошло отторжение. Он разругался со своим непосредственным

армейским начальством и со скандалом ушёл из армии. Уволившись, Игорь хотел было продолжить учёбу в университете, но вскоре бросил и стал работать в охранных фирмах, которые постоянно менял.

Уходил он отовсюду со скандалом и жестоко мстил своим бывшим работодателям: однажды он порезал все колеса на стоянке, принадлежавшей фирме, где Игорь раньше работал. Доказательств его причастности к содеянному не было, но никто не сомневался в том, что сделал это именно он, Игорь. В остальное время он «отрывался» на арабах, которых почему-то люто ненавидел, и «марроканцах», которым ломал руки и рёбра в клубах и на дискотеках.

Когда мы собирались вместе, он на чём свет ругал израильские порядки. Его ужасно раздражало абсолютно всё: хамство и тупость «бабуинов», как он называл уроженцев страны, продажность «русских», «тупые чёрные рожи» и вообще «зловонный Восток». Перечить ему в такие минуты было небезопасно: Игорь делался бешеным и крошил всё, что попадалось под руку. После встречи с Людой он немного остепенился, но ненадолго. Буквально первое же знакомство с родителями девушки закончилось едва ли не сердечным приступом для отца Люды.

Отец Людмилы был человеком настолько ушлым, что многие в его присутствии чувствовали себя безнадежными дураками. Этот человек умел устраиваться в жизни при любом раскладе.

– Профессию надо иметь, – говорил он, и сам был мастером на все руки: парикмахером, электриком, плотником... Израиль он выбрал совершенно осознанно, хотя у него была возможность уехать в Германию. Но о Германии он и слышать не хотел:

– Рано или поздно они всё равно возьмутся за евреев, – говорил он. – Америка? А что Америка?!.. Здесь я у себя дома. А там что?.. – С ним трудно было спорить, да и бесполезно. К тому же он совершенно искренне любил Израиль и чувствовал себя здесь своим. Израиль платил ему тем же: закрывая глаза на его левые заработки, не лишал его пособия. Старик был доволен: на Украине у него осталась квартира, которую до отъезда он успел приватизировать и теперь сдавал, имея дополнительный доход к своему пособию и приработкам.

Мать Люды была женою своего мужа и души в нём не чаяла.

Начавшийся с обычных в таких случаях расспросов – кто, откуда, чем занимаешься – разговор, едва не закончился дракой. Выслушав Игоря, отец Люды стал его спрашивать, что он ещё умеет в жизни, почему не пробовал устроиться там-то и там-то. Игорь стал жаловаться на своих начальников, которые его обманули и обворовали, и разговор неизбежно перешёл на философию. А философия у отца Люды была одна:

– Кто тебе виноват? Кто тебе что должен? Нужно было думать и вообще, профессию нужно иметь...

Ни мать, ни отец Люды не ожидали настолько взрывной реакции Игоря. Если бы не Люда, то всё кончилось бы настоящим погромом.

Разумеется, что больше он в этом доме не появлялся. Правда, разрыв их произошёл гораздо позже. Игорь всё куролесил, пока однажды следователь в полиции недвусмысленно посоветовал ему уехать из страны, если он не хочет сесть в тюрьму.

В конце концов он отбыл к родителям в Питер и там устроился телохранителем к своему дяде-бизнесмену. Люда с ним не полетела. Единственная дочь у родителей, она уже давно работала в университетской библиотеке, имела «квют» и менять «налаженный быт на бандитский Петербург» не захотела. Игорь улетел один, а Люда вскоре вышла замуж за банковского клерка «из местных». Сейчас у неё пятеро детей. А тогда, не прошло и полгода после отъезда Игоря, как он стал кривым и потерял два пальца на одной из рук. Сам Игорь говорил, что причиной его увечья стала неудачно открытая бутылка шампанского на каком-то семейном торжестве. Потом он женился и вообще исчез. Все попытки связаться с Игорем потерпели неудачу: он либо вообще не отвечал на телефонные звонки, либо коротко отвечал, что занят и «не может сейчас говорить».

А началось всё с Лёшки, низкорослого увальня с огромной головой, каким он казался со стороны. В действительности это был очень шустрый парень с хорошо подвешенным языком. У него была востребованная в то время профессия: в университете он изучал не то биохимию, не то что-то связанное с биотехнологиями. Как бы то ни было, но после окончания университета он почти сразу же нашёл работу в фармацевтическом концерне, где и работает до сих пор.

Именно он поделил нас всех на удачников и неудачников. Расстались мы после того, как однажды, изрядно выпив, он стал выпендриваться перед нами и обличать Славу.

– Вот ещё один ...дак, не знающий что делать со своей жизнью! – Высокомерно говорил Лёха, указывая на Славу. Слава побледнел и, отложив в сторону гитару, схватил Лёху за грудки.

– Убери руки!! – визжал Лёха.

Мы тогда еле успокоили Славу. С тех пор Лёха у нас не появлялся. Но мы хоть и редко, но о нём вспоминали. Ведь именно он провёл между нами эту грань, разделив всех нас на тех, кому повезло и они вписались в новую жизнь либо уехали в более благополучные страны, и на неудачников, у которых не было престижной хорошо оплачиваемой работы и которым суждено было навсегда остаться здесь.. А может, эта грань уже была, а Лёха её просто заметил?.. Парень он был шустрый и быстро всё подмечал.

А Слава – он был душой нашей компании!..

Познакомились мы все в кибуце, где в то время жили и учили иврит: была такая программа для студентов. Слава был самым старшим из нас – ему было двадцать пять лет. Тогда это был улыбчивый вихрастый парень, стройный и высокий, с неизменной гитарой на плече и огромным рюкзаком за плечами. Он брал с собою гитару везде, куда бы мы ни отправлялись: на берега озера Кинерет, в Эйлат, где Слава до самого утра ловил огромных альмогов, или в Иудейскую пустыню, где он карабкался со своей гитарой по скалам, а вечером, в одном из местных кибуцев, давал нам концерт на веранде колхозной столовой или на берегу Мёртвого моря, исполняя песни собственного сочинения.

И вот теперь наша душа как будто покидала нас. Из прежней большой нашей компании осталось всего несколько семейных пар и ещё трое убеждённых холостяков. Боря-путешественник, как мы его называли, объездил уже весь мир. Ради своих путешествий он живёт и работает. Если денег на поход в Анды или в какое-нибудь другое экзотическое место у него

нет, он берёт ссуды, которые потом выплачивает иногда годами. Витя помешан на буддизме. Он всегда олицетворял для нас экзотику и духовность Востока.

– Ну а ты почему не уезжаешь? Пропадёшь ты здесь! – как-то с досадой сказал мне Эдик перед отъездом.

– Я уже давно уехал, не перемещаясь в пространстве, – ответил я.

Эдик лишь понимающе и, как мне показалось, сочувственно покачал головой. Больше мы к этому разговору не возвращались. Было это незадолго до их с Эллой отъезда в Канаду.

Слава искренне пытался полюбить Израиль, но у него это не получилось. Многие считали его неудачником: в университете он не смог изучать то, что хотел, поскольку не набрал необходимого количества баллов. И тогда он поступил на специальность, где баллов ему хватало. Потом он всё больше досадовал из-за того, что изучать приходится вовсе не то, к чему душа лежит, и сама жизнь складывается вовсе не так, как хотелось. С девушкой, с которой они встречались довольно долго и даже собирались пожениться, в конце концов ничего не получилось. Девушки были и потом, но ни с одной из них он уже не хотел строить серьёзные отношения.

– Всё у них сводится к одному, – с раздражением говорил Слава. – «Как ты собираешься содержать семью?»

Университет он так и не закончил, а вместо этого работал где придётся и по выходным писал музыку для своих стихов. Слава собирался выпустить свои диски, но у него всё время что-то не ладилось: денег хронически не хватало, а студии, в которые он обращался, к его творчеству интереса не проявляли. Слава всё надеялся найти истинных ценителей своего таланта, но годы шли, а ценители, кроме нас, так и не объявлялись. Может быть, ему просто не везло?..

Все разговоры о том, что нужно найти себе постоянную работу и завести наконец семью, Слава обрывал резко:

– На жизнь мне хватает. Для меня главное – музыка. Всё остальное неважно.

В ресторанах он выступать отказывался: его раздражало, когда под его музыку жуют и пьют. А потом что-то в нём что-то как будто сломалось, и Слава стал совсем другим. Если раньше он ещё как-то мирился с окружавшей его жизнью, то теперь она вызывала у него отторжение. Однажды он объявил нам, что собирается в Канаду. Мы недоумевали: на что он рассчитывает?.. Востребованной профессии у него нет, денег – тоже. Но Слава был непреклонен в своём решении и вскоре действительно улетел за океан и отсутствовал месяца два. Потом вдруг объявился и сообщил нам, что в Канаде он женился и теперь улетает туда навсегда. В Израиль он прилетел лишь для того, чтобы забрать вещи, документы, ну и с друзьями попрощаться.

Во время нашей последней встречи он и произнёс ту свою пламенную речь:

– Мне надоело бороться, воевать, постоянно кому-то что-то доказывать! Зачем? Мы здесь всё равно ничего не изменим, и вообще у этой страны нет будущего.

Он часто повторял эту фразу: «Нет будущего», как будто в этих словах было его оправдание. Никто из присутствующих ему не возражал. Впервые за всё время нашей дружбы он был отдельно от нас.

Больше я его не видел. Супруга Славы оказалась старше его лет на семь, если не на все десять, и к тому же дамой с весьма крутым нравом. Она не отпускала Славу от себя ни на шаг, ревновала его днём и ночью, но Слава всё терпел, потому что без неё ему в Канаде делать было нечего. Потом он с ней всё-таки развёлся и женился ещё два или три раза. С нами, оставшимися, он больше не общается. По слухам из Канады, Слава играет там в ресторанах и очень доволен.

Инопланетянин

Ракетных обстрелов за ночь было целых три. Уже под утро одна из ракет упала, не разорвавшись, прямо на городском пляже. Полицейские оцепили место падения ракеты и стали, как водится в таких случаях, ждать прибытия сапёров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.